

INSPIRIA

КАМЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

ЛЛОЙД ДЕВЕРО
РИЧАРДС

INSPIRIA

Ллойд Деверо Ричардс
Каменные человечки
Серия «Ток. Внутри жертвы.
Триллеры о судмедэкспертах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70355053

Каменные человечки: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199680-2

Аннотация

СЕНСАЦИЯ TikTok.

БЕСТСЕЛЛЕР № 1 AMAZON.

Кристина Прюсик – антрополог-криминалист, главный судмедэксперт ФБР на Среднем Западе. Она специалист по необычным убийствам, чья интуиция простирается далеко за пределы профессионального поля. Изучая тело жертвы, Кристина может создать полноценный профиль убийцы. Фактически она – профайлер, хотя официально таковым не является. Вот почему ее поставили во главе расследования, которое станет самым опасным из тех, где ей приходилось участвовать...

Этот маньяк, несомненно, имеет собственный почерк. Он всегда убивает девушек у воды. Он полностью изымает их внутренние органы, а потом уносит с места преступления

с какой-то целью. И еще он, судя по всему, обладает уникальной особенностью психики: не может совершить убийство без предварительной погони. Но самая жуткая деталь – втиснутые в горла жертв амулеты в виде вырезанных из камня человеческих фигурок...

Автор писал этот роман 14 лет, поскольку заботу о своих детях считал важнее. Его дочь отблагодарила отца, выложив в «TikTok» ролик о нем и его книге. Чудесным образом этот ролик стал сенсационно популярным и набрал десятки миллионов просмотров. А «Каменные человечки» возглавили рейтинг «Amazon», обогнав даже мемуары принца Гарри...

Содержание

Пролог	10
1	12
2	25
3	40
4	55
5	62
6	73
7	90
8	97
9	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ллойд Деверо Ричардс

Каменные девочки

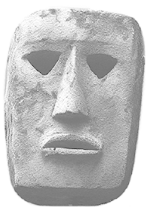
Lloyd Devereux Richards
STONE MAIDENS

Text copyright © 2012 Lloyd Devereux Richards. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

* * *

КАМЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

ЛЛОЙД ДЕВЕРО
РИЧАРДС

INSPIRIA

Москва
2024

Светлой памяти Ритти

Пролог

Позднее лето, когда ему было семнадцать. Стояла жара, и ему это нравилось, хотя работы на ферме хватало и приходилось подолгу оставаться в поле, собирать сено в тюки. Заготовленные на зиму тюки хранили высоко под крышей. Оттуда, из проема с цепным блоком, поднимавшим тюки, он и увидел ее – юную, соблазнительную дочку соседского фермера в струящемся платье в цветочек. Плотнo облегающий лиф подчеркивал тонкую талию. Тело под платьем дышало и танцевало, и он скатился по деревянным ступенькам и дальше – в зыбкий августовский зной.

Она вошла на кукурузное поле и, легонько пошлепывая пальцами по длинным зеленым листьям второго посева, исчезла между рядами, выбрав короткий путь к дому. Как будто невидимая рука потянула его за кольцо в носу, он последовал за ней в остывающий дневной жар, в кукурузу, раздвигая листья и толстые стебли, увязая тяжелыми рабочими ботинками в суглинистой почве. Прибавив шагу, он заметил мелькнувшее через два ряда яркое платье. Несколько минут он шел за ней, выжидая, пока она уйдет подальше от края поля. Сладковатый запах созревающего урожая затягивал все глубже. Жужжание перелетающих от кисти¹

---

¹ Имеется в виду «кукурузный волос», кисти нитей рыльца (верхней части пестика), выходящие из обверток початка.

к кисти пчел сливалось в громкий, непрерывно давящий гул. По коже прошел зуд, как будто его накрыл муравьиный рой. Монотонное пчелиное жужжание ввинчивалось прямо в череп. Дыхание сбилось, он припал на колени, и в глазах померкло. Он царапал, скреб ногтями землю, словно ища утерянное зрение, потом свалился на четвереньки и уткнулся лицом в суглинок, всасывая грязь. Постепенно, мало-помалу свет вернулся – и с ним пришло новое желание, новое влечение.

1

В воздухе будто висела пелена, как бывает иногда сразу после пробуждения. К середине утра 4 июля жара усилилась до того, что дышать было почти невозможно.

Мисси Хупер нажала на экране «отбой», положила телефон в сумочку и со вздохом ее закрыла. И тут же, секундой позже, проверила, повернула ли застежку полностью. В парке развлечений не протолкнуться, и, если не хочешь, чтобы тебя обчистили, надо держать ухо востро.

И что теперь? Гленне пришлось подменить заболевшую официантку в закусочной, где они обе работали, и запланированная встреча сорвалась. Такая досада. Бродить в одиночестве по парку, где полным-полно парочек ее возраста? Нет, такой вариант в ее представление о развлечении не вписывался. Ох уж эта Гленна. Могла бы взять и сказать Рикки «нет». Мисси снова вздохнула. Гленна позволяет людям помыкать ею. Пора уж научиться стоять за себя.

Татуированный карни² подвалил к ней с зубастой ухмылкой, протягивая три бейсбольных мяча.

– Как насчет испытать удачу, а, юная леди? А у меня для такой милой девушки зашибенные призы найдутся. Три мяча за доллар.

---

² Карни – человек, работающий на карнавале, ярмарке и т. п.

Мисси свернула, уклоняясь от встречи с приставалой, и врзалась в молодого жилистого мужчину с песочно-каштановыми волосами и ярко-голубыми глазами.

– Эй! Тебе бутылочки сбивать надо, а не других посетительей. – Он улыбнулся и провел ладонью по коротко подстриженным волосам.

Мисси отступила на шаг.

– Извини, – пробормотала она. – Не посмотрела, куда иду.

– Пустяки. Ты кого предпочитаешь: бульдогов или обезьянок? Такой приз неплохо смотрелся бы на полке у тебя в спальне. – Незнакомец наклонился. – Я заплачу. – Он протянул карни пятидолларовую купюру, и тот достал из кармашка для мелочи четыре доллара сдачи.

– Извини, – обратилась к нему Мисси и покраснела. – Ты со мной разговариваешь?

Весь вид незнакомца выдавал в нем человека, много работающего – как и оба ее брата – на открытом воздухе, и лицо его казалось странно знакомым – вот только откуда?

– Конечно. – Он поклонился в пояс. На нем были джинсы со следами краски и красная футболка; рыжие рабочие ботинки тоже были заляпаны краской. – Просто укажи желанный приз, и... – незнакомец дурашливо подбоченился, – он твой.

Мисси потянула вниз свой голубой топ, который тут же снова пополз вверх, обнажив пупок, и, прищурившись, посмотрела на висящие на крючках мягкие игрушки.

– Тот бульдог... лапочка.

– Тогда пожелай мне удачи. – Незнакомец подмигнул.

Мисси хихикнула.

– Удачи!

Парень взял у карни первый бейсбольный мяч, подержал его на ладони, оценивая расстояние до цели, повернулся к Мисси и усмехнулся с видом уверенного в себе человека.

Со скоростных горок долетел пронзительный девичий крик, и Мисси обернулась, успев лишь увидеть, как вагончик накренился и исчез за высоким навесом.

Чвяк! Она обернулась назад на звук упавших бутылок.

– Да ты меня просто вдохновляешь! – Явно довольный собой, незнакомец вскинул руку, потрясая кулаком. – Разве не правду говорят, что вера сдвигает горы? – Он подмигнул Мисси. – Твоя определенно сдвинула.

Мисси сконфуженно переступила с ноги на ногу. Внимание и прямота, с которой молодой человек обратился к ней, смущали и льстили. Мгновением позже в руках у нее оказался ярко-голубой бульдог, держать которого было так же неудобно, как охапку сена.

– У тебя есть машина? Можно пока оставить его там.

Она закатила глаза.

– Если бы. Меня сюда друг подбросил, а здесь я должна была кое с кем встретиться.

– Не беда. Можешь оставить в моем пикапе, если хочешь. – Не успела Мисси ответить, как незнакомец выпач-

лил: – Как насчет перекусить? – Он отошел к ларьку и, обернувшись, спросил: – Колу со «слоновым ухом»³ будешь?

Воздух вдруг наполнился запахами жареного теста и сахара, и желудок, получив сигнал, отозвался громким урчанием.

– Конечно.

Принимать угощение определенно приятнее, чем обслуживать других, решила Мисси. Даже то, что говорил больше он, воспринималось как проявление внимания и заботы. Он вернулся с напитками и двумя завернутыми в вощеную бумагу «слоновыми ушами», и она положила приз между ног.

– Могу заплатить.

– Твои деньги здесь не принимаются, – великодушно, но с какой-то самоиронией отказался он.

Забавный, подумала Мисси. Чудной, грубоватый, но по-своему милый.

– Спасибо. Меня зовут Мисси.

– Рад познакомиться. Меня – Джаспер. В свободное время занимаюсь резьбой по камню. Ну что, давай забросим твой приз в пикап?

Они покончили со «слоновыми ушами» и напитками и вышли из парка.

– Послушай, если хочешь, могу отвезти тебя домой. – Он забрался на водительское сиденье и добавил: – С удовольствием окажу тебе эту услугу.

---

³ «Слоновье ухо» – печенье из слоеного теста, у нас известное как просто «ушки».

При мысли о том, что придется звонить кому-то из братьев и просить приехать, ей стало не по себе. Ждать на жаре, потеть, зная, что вырывает Джимми со встречи его студенческой лиги по боулингу или Дина из дома его девушки в Одоне...

– Да, было бы здорово.

– Я там, сзади, краску пролил. Почему бы тебе не посадить бульдога впереди? – Джаспер показал на пассажирское сиденье.

Мисси затолкала в кабину громоздкий приз и залезла сама. Бульдог зацепился за трещины в виниловой обшивке, из которых высовывался желтоватый поролон. В лицо ударил едкий соленый запах.

Он завел двигатель, открыл вентиляционное окно и сказал ей сделать то же самое. Дорога шла через лес. Хотя парк развлечений находился всего в паре миль отсюда, они будто перенеслись в совершенно другой мир – тихий, спокойный. Между деревьями проскакивали лучики солнечного света.

– Бывала когда-нибудь в Клир-Крике?

Она взглянула на него поверх плюшевой игрушки.

– Ты имеешь в виду то место, где купаются?

Он покачал головой.

– Не-а. Совсем другое. По-моему, лучшего местечка не найти. – Джаспер повернулся к ней и улыбнулся, почти застенчиво. – Если б мог, с удовольствием бы тебе показал.

– Это далеко? – спросила Мисси, щурясь от солнечного

света, бывшего в боковое окно.

– Мы почти на месте.

Она кивнула.

– Тогда, наверное, можно. – Она снова посмотрела на своего нового знакомого, пытаюсь вспомнить, где могла его видеть. Джаспер катал что-то во рту, и краешек этого чего-то блеснул у него между зубами.

– Есть еще? – спросила она. – Ну, эти конфетки, что ты сосешь?

Он оттянул губы, показав краешек чего-то влажного и блестящего.

– Это не то, что ты думаешь. – Блестящий предмет исчез за щекой. – Мама не говорила тебе, что сахар вреден для зубов?

– Ладно, и что тогда?

– Мне с детства нравилось работать с камнем. Вырезать всякие маленькие штучки – лица, фигурки животных. Даже людей. Дело это хитрое. – Он бросил в ее сторону быстрый взгляд и снова уставился на дорогу. – Если не быть осторожным, камень легко расколоть пополам.

Не зная, что сказать, Мисси промолчала и посмотрела в боковое окно, за которым расстилался знакомый пейзаж. На холме виднелся фермерский дом, в котором жила ее подруга. Она уже хотела попросить его остановиться, сказать, что, мол, только сейчас вспомнила, что обещала зайти к знакомой, но тут Джаспер протянул к ее колену руку с раскры-

той ладонью.

– Видишь? Закончил только вчера. Вырезал из кремнистого сланца; это типа яшмы. – Он улыбнулся. – Мой тезка⁴.

Мисси посмотрела на красноватый, все еще влажный камешек размером с шахматную фигурку. На одном его конце отчетливо выделялись голова и лицо. Прорезанные в камне бороздки очерчивали руки и ноги.

– Дело наверняка долгое.

– Да уж. – Джаспер сжал ладонь и убрал фигурку в карман.

– Так где ты работаешь? – поинтересовалась Мисси, меняя тему. – Держу пари, на открытом воздухе, учитывая загар.

– Какая смышленная юная леди. – Джаспер медленно кивнул. – Я расписываю разные места, учреждения, предприятия. Некоторые считают, что вывески, сделанные от руки, устарели. Наверное, меня можно назвать пережитком. – Он усмехнулся и мягко коснулся кончиками пальцев ее обнаженного плеча.

Она вздрогнула от этого мимолетного интимного прикосновения.

– Я – самый обычный художник. Свою лучшую работу делаю, когда остаюсь один, понимаешь, что я имею в виду?

Она взглянула на его забрызганные краской джинсы.

– Да. Вот только похоже, что ты на ярмарках работаешь, рисуешь клоунов.

---

⁴ Яшма по-английски – jasper.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Забавно, да. Все дело в том, что этот чертов отель «Сладкий поцелуй» завалил меня заказами. Когда много работаешь, выматываешься.

– Ты имеешь в виду то шикарное местечко с полями для гольфа? Дядя моей подруги работает там садовником. Лонни Уоллес. Знаешь такого?

– Нет, вроде бы не встречал. Но... – Джаспер поднял бровь, как будто задумался над ее вопросом. – Я, когда работаю, не особенно-то разговорчив. В моем деле требуется сосредоточенность. Как в парке, чтобы бросить мяч и выиграть тебе приз. – Он нервно побарабанил пальцами по рулю, потом потянул плюшевого бульдога за ухо. – Встреча с тобой, Мисси, – это бесценный дар.

Пикап подпрыгнул на неровности. Мисси качнулась вперед и откинула упавшие на лицо волосы. Джаспер подмигнул ей сразу обоими глазами, и Мисси машинально рассмеялась. Он рассказал, как в начале года его назначили старшим группы художников, обновлявших экспонаты в Чикагском музее. Сотня человек трудились под его бдительным оком, раскрашивая примитивные фигурки, изображавшие воинов-каннибалов в джунглях – их естественной среде обитания.

– В самом деле? Должно быть, это было что-то потрясающее.

– Кроме шуток. – Она почувствовала на себе его взгляд

и улыбнулась. – Я всего лишь величайший художник-оформитель на всей этой чертовой планете, понимаешь? Никакой мазней мы не занимаемся, ну нет, мэм.

– Ага. Конечно.

Странно. Сначала говорит, что по большей части работает в одиночку, а потом, почти сразу, заявляет, что сто человек выполняли под его началом реставрационные работы в музее. Она списала это – потребность в хвастовстве – на обычную мужскую неуверенность. Кроме того, Джаспер был все же забавным и милым. А еще она поняла, почему его лицо показалось ей таким знакомым.

Он сбросил газ и заехал под высокий зеленый полог. Здесь было градусов на десять прохладнее, чем на ярмарочной площади, и пахло смолой и хвоей. Мисси облокотилась на плюшевого бульдога, потерла пальцами мягкое ухо.

– Знаешь, почему я на самом деле поехала с тобой? – На ее лице мелькнула лукавая улыбка.

– Подозреваю, хотела увидеть Клир-Крик.

– Ты ведь меня не помнишь, да? – спросила Мисси, застенчиво потупившись. – Урок естествознания в одиннадцатом классе. – Она подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза. – Уивервиллская школа.

Он замялся.

– Ну, если ты так говоришь...

– Да ладно тебе. Нет, правда, неужели не помнишь? Ты был единственным, кто побоялся разрезать тот коро-

вий глаз. – Она кивнула, почувствовав себя увереннее. – Ты не смог даже дотронуться до него и вышел из класса.

Джаспер почесал за ухом.

– У тебя хорошая память, вот что я скажу. – Он открыл дверцу и спрыгнул на землю.

Мисси обошла капот и, сунув руки в задние карманы джинсов, остановилась перед ним.

– Ты был тогда такой застенчивый. Что случилось?

– Думаю, – он закрыл лицо руками и посмотрел на нее в щель между пальцами, – дело в том, что мне чертовски нравится играть в прятки! Лучше беги и спрячься, пока я считаю до десяти!

Сорвавшись с места, как подожженная шутиха, Мисси помчалась по лесистому склону с резвостью девчонки вдвое младшего возраста. Мальчишеское обаяние Джаспера, его явный интерес к ней сыграли роль искры, попавшей на запал. Шелковый шелест листьев и ореховые запахи леса отзывались в голове одной мыслью: может быть, это и есть один из тех редких случаев в жизни, когда желания и впрямь могут сбыться. Когда ты наконец-то встретила кого-то, кто предназначен только тебе. Как по волшебству, все происходило именно так, как и должно было произойти, как случилось и с ее матерью, встретившей отца Мисси и в тот же момент понявшей, что он – мужчина ее жизни.

Склон был крутой, и Мисси, чтобы не упасть, приходилось хвататься за деревца и кустики. Далеко внизу, между

деревьями, блеснула вода.

Маневрируя с ловкостью слаломистки в смешанной дубо-буковой роще, она скатилась к песчаному руслу частично высохшего ручья. Чуть дальше виднелись застывшие лужи. Мисси притаилась за могучим поваленным платаном и замерла в волнительном ожидании. Всматриваясь в лесистый склон, по которому только что спустилась, она напряженно вслушивалась в тишину, но вместо шагов слышала только частый стук собственного сердца.

Позади нее, за ручьем, что-то тяжело и глухо ухнуло. Как он успел? Мисси бросилась прочь от звука по глубокой впадине, вырывая ноги из сырого, засасывающего песка. Что-то было не так.

Она услышала шаги за спиной – он шел через глубокую лужу.

– А ты... быстрая... – выдохнул он, и язвительно-насмешливый тон, в котором не было ни капли обаяния, полоснул ее острым страхом.

Солнечный свет рассыпался по воде мигающими блестками. Мисси машинально огляделась в поисках выхода, и глаза сами выбрали путь отступления: полоску сухой, твердой земли, уходившую вверх вдоль кромки рощи. Больше всего ее расстроило то, что она ничего не слышала, пока он не появился на другой стороне ручья.

Мисси побежала, помогая себе руками, то и дело оглядываясь, и, налетев на поваленное дерево, растянулась на зем-

ле. В отчаянии она вцепилась ногтями в кору и снова скатилась на песчаный берег, разорвав при этом топ. Щупальца паники протянулись в мозг, едва не отправив ее в глубокую лужу. От столкновения с деревом на левой коленной чашечке осталась глубокая рана, и теперь по голени стекала кровь.

Мисси замерла, услышав скрипучий звук переключения передач. Высоко над ней, в просветах между деревьями, окаймляющими глубокий овраг, мелькал пытящий углевоз, следующий с полным грузом с Линкольновских шахт в Блэки, где работал ее отец. Доброе обветренное лицо отца на мгновение встало перед глазами. Расстояние до дороги, по которой полз углевоз, было не больше длины футбольного поля, но бурелом на ее пути образовал почти непреодолимое препятствие.

Мисси вдруг поняла, что это не ее дыхание становится громче, а дыхание преследователя, каким-то образом оказавшегося выше по склону. Она подняла глаза и моргнула.

– Я уж было подумал, что потерял тебя.

Мисси попыталась осмыслить увиденное, но в голове у нее все спуталось и смешалось. В расслабленной позе, со скрещенными на груди руками, он стоял, прислонившись к тому самому дереву, из-за которого она упала. Лицо его полностью скрывала какая-то необычная маска из перьев.

Он потянул маску вверх, на макушку, и сочувственно посмотрел на нее.

– Зацепилась, да? – Он указал на порванный топ. На шее

у него болтался какой-то камень.

Мисси подняла руки, прикрывая грудь, и отступила в прохладную воду, не сводя с него настороженного взгляда. Убегая, она потеряла кроссовку, и теперь босая нога поскользнулась на покрытых водорослями камнях. Она жестоко ошиблась. Того ученика на уроке естествознания звали не Джаспер, и лицо, смотревшее на нее сверху вниз, несколько не походило на лицо застенчивого мальчика, которого она знала в старшей школе.

2

В дверь постучали. Худошавая женщина с чопорно зачесанными назад седыми волосами заглянула в кабинет.

– Кристина, они ждут.

– Одну секунду, Маргарет, – отозвалась Кристина Прюсик, главный судебный антрополог лаборатории судебно-медицинской экспертизы ФБР на Среднем Западе. В сферу ее юрисдикции входила большая часть зоны, пролегающей от Великих озер на севере до границ штатов Мексиканского залива на юге – теми штатами занимались криминалисты из Нового Орлеана.

Прюсик убрала за уши короткие пряди каштановых волос, открыв золотые сережки-«гвоздики» – единственное украшение, которое позволяла себе специальный агент, и натренированным взглядом пробежала по записям. Среднего роста, хорошо сложенная, в том числе благодаря многолетним занятиям плаванием – она еще подростком становилась чемпионкой округа, – Кристина давно научилась давать отпор мужчинам, не умевшим правильно истолковать то, что она пыталась донести до них языком тела: руки прочь!

Громадный письменный стол – бастион из сложенных горками папок, на котором не осталось свободного уголка даже для листка бумаги, – не вместил все материалы, необходимые для рассмотрения дела и его возможных последствий.

На полу, венком окружая стол, лежали раскрытые блокноты, фотографии из службы судебно-медицинской экспертизы и отчеты о вскрытии с подчеркиваниями, сделанными синим и розовым маркерами. Динамический интеллект Прюсик моментально фокусировался на мельчайших деталях и нюансах улики и выводил их на широкий экран, принимая в расчет географическое положение, почерк преступления, а также сходства и различия с другими потенциально связанными делами.

Для Прюсик работа над делом означала, что вся информация должна быть под рукой, в том или ином месте на полу, чтобы сама она стояла, нахохлившись, как хищная птица, всматриваясь в разложенные материалы, выискивая знак, указывающий на нечто большее, на что-то – что угодно – неуместное, странное, неправильное.

Ветер снова и снова бросался на здание. Косые струйки дождя сбегали по широким окнам ее офиса на шестнадцатом этаже, откуда открывался вид на центр Чикаго. Откинувшись на спинку стула, Прюсик поднесла к свету цветной слайд. Торопливо перебрав доставленную ночным курьером подборку, она нашла то, что искала, – сделанный под углом снимок шеи. Она предпочитала держать в руках настоящие слайды, а не просматривать на экране цифровые изображения. По ее мнению, на крупных планах фотографический позитив отличался большей четкостью в сравнении с цифровым аналогом, сделанным фотоаппаратом «Canon», хотя

большинство агентов выбрали последнее.

Уперев в край стола коричневый «оксфорд»⁵ на каучуковой подошве и подергивая свободной рукой пучок волос, Кристина задумчиво рассматривала крупный план зияющей багровой раны – ужасного разреза вдоль брюшной полости, – извращенно имитирующей контуры открытого рта. В этот момент ее и настигла сопровождающаяся зудом паническая атака, и слайд, выскользнув из пальцев, спикировал на пол.

Пошарив рукой, она выдвинула ящик стола и достала маленькую оловянную таблетницу, много лет назад принадлежавшую матери ее матери. Интересно, какие таблетки могла держать в ней бабушка? Проглотив всухую таблетку ксанакса, Кристина надела беспроводные наушники, щелкнула рычажком проигрывателя компакт-дисков на столике у стены и закрыла глаза в ожидании умиротворяющих аккордов Партиты для клавира № 1 Баха, всегда помогавшей ей восстанавливать покой и порядок. Она также стиснула правый кулак, прижав к ладони мизинец. Таблетки таблетками, но дела шли все хуже.

Комбинированный эффект современного чуда нейрохимии и гения Баха сказался уже через несколько минут: дыхание замедлилось, частота пульса больше не пугала.

Наступивший покой нарушил внутренний телефонный звонок. Прюсик вздрогнула и подалась вперед. Секретарша,

---

⁵ «Оксфорд» – тип классической обуви, у которой передняя часть (союзка) нашита поверх боковых (берцев).

Маргарет, напоминала, что ее ждут. Но она еще не была готова и, пододвинув стопку слайдов, стала просматривать их в надежде обнаружить какую-нибудь аномалию, которая могла бы пролить свет на убийцу. Снимки были сделаны накануне, 27 июля. После обнаружения первого трупа прошло целых три месяца, и за это время не удалось ни идентифицировать личность преступника, ни даже обнаружить какую-либо мало-мальски доказательную улику. Тело первой жертвы, сбежавшей из дома девушки-подростка по имени Бетси Райан, нашли недалеко от озера Мичиган и охраняемых прибрежных земель. Место уединенное, никакого жилья поблизости, никого, кто услышал бы ее крики о помощи, если она кричала.

Последняя жертва, неидентифицированная, была обнаружена в двухстах пятидесяти милях к югу от Чикаго, в Блэки, штат Индиана, в угледобывающем районе к юго-западу от Индианаполиса, в местности, где много густых лесов и глубоких, с крутыми склонами оврагов. Частично обнаженное тело лежало под листьями на берегу ручья, но не находилось в воде, как Бетси Райан. Тело Райан всплыло в третью неделю апреля, зацепившись за якорный канат ялика на реке Малый Калумет в Гэри, штат Индиана, – практически у порога Прюсик. Труп изрядно пострадал от рыб и рачков, позаботившихся о том, чтобы на нем не осталось чужой ДНК. Но как они ни старались, одна деталь все же сохранилась, и эта деталь неопровержимо связывала первое пре-

ступление со вторым – жуткий вентральный⁶ разрез слева. В обоих случаях все внутренние органы были удалены, тела буквально выпотрошены. И оба убийства случились около воды.

Дверь кабинета снова приоткрылась.

– Да, Маргарет, я знаю, – не поднимая глаз, сказала Прюсик секретарше. Самолет ее босса вылетал в Вашингтон через час, и в аэропорт ему надлежало выехать через пятнадцать минут.

– Нет, ты не знаешь, – строгим шепотом возразила Маргарет и проскользнула в кабинет. – Это Торн. Снова звонит. – Она выдержала паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного, хотя в этом и не было необходимости. – Ему нужно успеть на самолет.

– Ради всего святого, скажи ему, чтоб не кипятился.

За десять лет работы в Бюро Прюсик приобрела репутацию особы грубоватой и несдержанной, проявляющей эти качества в самое неподходящее время в отношении как начальства, так и подчиненных. Требовательная к себе, она придавала мало значения вещам, в ее понимании, второсортным.

Прюсик глубоко вздохнула.

– Можешь сказать мистеру Торну...

Они встретились глазами, мысленно просчитывая возможности и молча отвергая большинство из них.

---

⁶ Вентральный – брюшной.

– Спасибо, Маргарет, – поостыв, сказала Прюсик. – Скажи, я уже иду.

Лицо секретарши расслабилось; она повернулась и вышла, старательно отворачиваясь от ужасных фотографий, приколотых к пробковой доске за письменным столом.

Сделанные крупным планом снимки Бетси Райан, первой жертвы, больше походили на цветные абстракции, чем на едва узнаваемые останки человеческого существа. Пятнадцатилетняя беглянка Райан жила у тети в Кливленде. След девушки исчез вскоре после того, как 30 марта она поймала попутку, грузовик компании «Allied Van Lines». Водитель высадил ее на стоянке грузовиков в Портедже, штат Индиана. Проверка подтвердила факт его заправки там. Каких-либо компрометирующих улик в кабине грузовика не нашли. Три недели спустя, 21 апреля, ее тело сняли с якоря, зацепившегося за «карман» на левом боку жертвы, недалеко от национального парка Индиана-Дюнс, где убийца мог расправиться с ней, не опасаясь посторонних глаз. Клеточный анализ показал, что останки, вероятно, пробыли под водой несколько недель, из чего Прюсик делала вывод, что преступник, скорее всего, заметил девушку после того, как водитель – последний по хронологии из имеющихся свидетелей – высадил ее на стоянке грузовиков.

Она коснулась пальцами другого слайда – с места преступления в Блэки. На нем был виден отпечаток мужского

ботинка примерно девятого⁷ размера. Местная полиция нашла его на земле у ручья и сделала слепок с помощью быстросохнущего гипса. Убийце нравилось делать свое дело возле воды. Она с усилием сглотнула. Время шло, часы тикали.

Влажная погода стояла на Среднем Западе большую часть весны и в начале лета – отвратительные условия для сохранения улики, ускоряющие разложение плоти. Прюсик знала, что вряд ли найдет что-нибудь стоящее на теле последней жертвы или вблизи места преступления. Тамошний лес, словно громадный желудок, наверняка уже переварил ее тело, съев вместе с ним все улики, которые мог оставить убийца.

Сунув слайды в карман лабораторного халата, Прюсик быстро вышла из-за стола, решив не выпускать это дело из своих рук, протиснулась мимо перегородки, за которой сидела секретарша, и быстро зашагала по коридору.

– Скоро вернусь, – словно спохватившись, бросила она через плечо.

Уже положив руку на ручку двери лекционного зала, Прюсик замерла – за спиной раздалось узнаваемое покашливание Роджера Торна.

Она обернулась и наткнулась на пронзительный взгляд директора, смотревшего на нее поверх очков в черепаховой оправе. Его пошитый на заказ костюм напомнил, что на ней самой сейчас эластичный трикотаж с растяжками и пятнами, не раз бывавший на месте преступления, где приходи-

---

⁷ Размер 41 по российским стандартам.

лось присесть и наклоняться, чтобы получше рассмотреть останки. При последнем выезде местный помощник шерифа весьма неудачно пытался защитить ее от непогоды зонтиком, оставив неприкрытой поясницу.

– Кристина, можно тебя на минутку? – отработанным официальным тоном обратился к ней Торн и поднял согнутую руку, демонстрируя предмет своей гордости – сверкающие новые часы с хронографом «Montblanc». Того же бренда была и изящная авторучка, прицепленная к нагрудному карману рубашки. – У меня мало времени. – Он постучал пальцем по хрустальному циферблату, одернул манжету рубашки и поправил пиджак, который часто надевал, отправляясь в Вашингтон. Именно такой стиль предпочитали мужчины, сидящие в кабинетах ФБР за дверями с именными медными табличками. – Я только что разговаривал по телефону со штаб-квартирой. Рассказал о второй, как мы думаем, жертве.

Она кивнула.

– Я как раз иду к своей команде с последней информацией. Между обоими случаями есть важное определенное сходство. Уверена, экспертиза даст результаты.

Торн улыбнулся ей.

– Хорошо, хорошо. Не сомневаюсь, у тебя все получится. Вот почему я и назначил тебя на эти дела. Упорство – одно из твоих лучших качеств. – Он легонько сжал ее плечо, но убрал руку, почувствовав, как она напряглась. – Ты – про-

зорливая исследовательница. Ты знаешь, как я ценю твою наблюдательность. Сомневаюсь, что в Бюро есть руководитель, чья судебно-медицинская команда лучше.

Прюсик улыбнулась, довольная комплиментом, однако уже ожидая следующего за ним «но».

– Спасибо, Роджер. – Ей всегда было приятно слышать его похвалу. Искренность Торна, признававшего ее достижения как судмедэксперта, не вызывала сомнений. Этого плюс приятной внешности и изысканного стиля в одежде оказалось достаточно, чтобы она влюбилась в него однажды.

Его соломенного цвета брови едва заметно приподнялись над дужками очков.

– Так вот теперь, когда ты главная, я могу говорить откровенно. – Брови снова подтянулись вверх. – С моей стороны было бы упущением не сказать, что они *там* немного обеспокоены тем фактом, что я позволил тебе возглавить расследование столь громкого дела. – Он поднял ладонь, прежде чем она успела заговорить. – Выслушай меня. Ты показала себя прекрасным руководителем судебно-медицинской лаборатории и чертовски хорошо справлялась со своей работой на протяжении десяти лет. Вплоть до сегодняшнего дня. Это дело для тебя первое в качестве главы расследования, и их опасения понятны, учитывая отсутствие у тебя опыта управления всеми аспектами: логистикой, координацией персонала из разных отделов, взаимодействием с местной полицией и чиновниками. Ты знаешь, Кристина, о чем я го-

ворю.

О том, чтобы самому возглавить расследование? Прюсик прикусила губу, напоминая себе, что Торн всего лишь делает свою работу. И все же смолчать она не могла и, нахмурившись, сказала:

– Ты знаешь, что я собрала лучшую команду. Люди работают круглосуточно. Ошибок никто не допустил, если не считать огрехов со стороны полиции штата.

– Так, значит, теперь полиция напортичила? – Торну явно хотелось услышать какие-нибудь важные новости. – Мне нужно доложить наверху о прогрессе в расследовании. Прогресс, успехи – вот на что обращают внимание. Я знаю, что информации мало, что она в лучшем случае фрагментарная и твоя команда тщательно ее перерабатывает, ищет зацепки. Так дай же мне что-нибудь, чтобы доказать Вашингтону правильность моего решения поручить это дело тебе. Руководство нужно постоянно информировать о ходе расследования, чтобы оно знало – все меры, необходимые для эффективного решения вопроса, принимаются и средства, соответствующие задаче, выделяются. Хочешь верь, хочешь нет, но все, что мы делаем, анализируется с точки зрения затрат и выгоды.

– Вот в это я верю.

Сокращение бюджета в 2010 году означало, что лаборатории Прюсик пришлось взять на себя больше обязательств, не получив соответствующего увеличения ресурсов. Похо-

же, проект «Менеджмент 101» для ФБР отражал стратегию частного предприятия, столкнувшегося с серьезным экономическим спадом: заставляй своих людей делать больше с меньшими затратами и жди чуда.

– Вот что я тебе скажу. – Она постаралась не показать, что огорчена его словами. – Тело, найденное в Блэки, несет печать убийцы. Совершенно определенно это один и тот же человек, наверняка мужчина, учитывая физические особенности преступления и силу, которую ему пришлось применить. К сожалению, судя по слайдам, степень разложения дает основание предполагать, что тело подвергалось воздействию стихии по крайней мере в течение месяца.

Торн едва заметно кивнул.

– Какой профиль у тебя складывается на данный момент? Сосредоточиться на идеально завязанном галстуке Торна оказалось легче, чем на горчично-карих глазах, защиты от которых она так до сих пор не нашла. Его неоспоримая привлекательность и память о близости отозвались румянцем на щеках. Она надеялась, что он этого не заметил.

– Он бывает в разъездах. Жертв выбирает осторожно. Первая была беглянкой. Вторая, неизвестная, может быть, как мы полагаем, местной жительницей, молодой женщиной, пропавшей в День независимости из парка развлечений в паре миль отсюда. Завтра, конечно, сделаем слепки зубов и рентгеновский снимок челюсти. Можешь сказать им, наверху, что подозреваемому, скорее всего, чуть за двадцать,

он в хорошей физической форме, живет один или большую часть времени проводит в одиночестве, возможно, выполняет какие-то работы на заказ. Замкнутый, хорошо выбирает место преступления. Старается исключить вероятность постороннего вмешательства, что объясняет, почему жертвы были обнаружены далеко не сразу. Оба тела находились на значительном удалении от населенных пунктов, где велика опасность случайного вторжения. То, что он делает с ними, требует времени.

– Что именно он с ними делает? – спросил внимательно слушающий ее Торн.

– Ты же прочитал мой отчет о состоянии тела Бетси Райан. Жертва в Блэки также была задушена, и в области брюшной полости у нее также имеется продольный разрез. Внутренние органы полностью удалены и, согласно отчету местного coronera, не найдены.

Их взгляды встретились. Он стиснул зубы, и сухожилия на шее напряглись. Кристина ощутила запах его одеколона, и у нее на мгновение остановилось дыхание. Их двухмесячный роман со свиданиями на ланче резко оборвался почти полгода назад. Она чувствовала себя неловко, не могла выносить такую близость и в конце концов порвала. Торн, не теряя времени, вернулся к жене, намекнув Кристине, что брак – не более чем способ с удобством пережить отсутствие связей за его пределами. За прошедшие с тех пор месяцы Кристина в основном справилась с переживаниями и взя-

ла себя в руки, но время от времени скучала по их бурным встречам, по его горячему взгляду, который она ощущала всем телом. А еще у него был острый, восприимчивый ум, даже если он иногда велся на вашингтонскую чушь. Ей недоставало их разговоров, обсуждения запутанных деталей того или иного дела в ленивой неге посткоитального блаженства.

– Моя команда делает все возможное, чтобы идентифицировать преступника, – уже более мягким тоном добавила она и оглянулась на дверь. – И сейчас они меня ждут.

– Еще кое-что. – Торн откашлялся. – Обсуди с Брюсом Говардом детали разработанного тобой профиля. Полагаю, Говард выедет с группой экспертов-криминалистов на место преступления в Блэки? Честно говоря, у него отличные лидерские качества и он умеет работать в команде. Знает, как и что делать. Умеет начинать без раскочки, ты же понимаешь. Тебе в любом случае понадобится его помощь. Сейчас нам нужно сосредоточиться на весьма значительной территории. – Торн снова посмотрел на нее поверх очков. – Сотрудничество и командная работа – вот ключи к успеху в этой организации, как, впрочем, в любой разумно управляемой организации.

Его слова хлестнули ее, словно пощечина.

– Мистер Говард и оперативная группа в моем подчинении, сэр, – натянуто сказала она.

Торн взглянул на часы, потом снова посмотрел на нее, но остался на месте.

– Ты больше ничего не можешь мне сказать?

Она покраснела под его пристальным взглядом и разозлилась на себя за это.

– Убийца довольно искусно обращается с ножом, сэр. То, что он делает со своими жертвами, это в высшей степени жестокая процедура. Он повторяет некоторые действия, что может свидетельствовать о некоей ритуальной схеме. Склонность к потрошению жертв – явление совершенно экстраординарное, несвойственное ни одному из лиц, совершивших тяжкое уголовное преступление, которых мы успели проверить по междуштатной базе данных. Крови вокруг разрезов очень мало, и она несвернувшаяся. Следовательно, он потрошит их вскоре после смерти. Завтра я буду знать больше.

Почти не задумываясь, Прюсик избрала облегченный вариант изложения ужасной информации. Она знала, что Торн терпеть не может кровавые подробности.

– Ты сказала «ритуальная схема»?

– Ни одна из жертв, по-видимому, не подвергалась сексуальному насилию, – объяснила она. – Он не трогает их лица. Череп жертвы в обоих случаях остался неповрежденным. Я бы сказала, что охота на жертву является для него глубоко личным опытом. – Прюсик посмотрела Торну в глаза.

Он моргнул – раз, другой.

– Думаю, это важная информация и мне будет о чем сообщить.

Он протянул руку, потом, после секундного колебания,

еще раз легонько сжал ее плечо. Это был их жест, они обычно обменивались им на работе, как бы подтверждая свои отношения, и в том, что он воспользовался этим жестом теперь, было что-то дешевое. Не только ее страхи стали причиной их расставания. Она просто не могла больше игнорировать его затянувшиеся колебания и собственную крепнущую убежденность в том, что дальше полуденных свиданий дело не пойдет, потому что он не бросит свою жену. Этот жест подтверждал ее выводы.

– Очень хорошая работа, Кристина. – Торн торопливо зашагал по коридору, мягко шлепая кожаными подошвами по мраморному полу. – Вся твоя команда хорошо поработала. Передай им это от меня, ладно? – Он не обернулся, но помахал рукой, спеша на рейс в Вашингтон.

3

Прюсик стояла у двери лекционного зала. Ей нужно было прийти в себя и успокоиться. Что так ее взволновало – физический контакт с Торном или его намеки на роль Брюса Говарда в расследовании, – с этим она не определилась.

Продвижением по службе она была обязана не организаторским и управленческим способностям, но склонности к науке и сочетанию уникальной интуиции и умения расшифровывать раны. Общим направлением ее научного интереса была биологическая антропология, эволюция и наука о человеке, а специализацией – тема более темная и грязная: девиантные увечья при убийствах, причиненные до или после смерти. Формы и типы оставленных на теле отметин говорили ей об инструментах, используемых для превращения идеально работающих живых организмов в гниющую плоть. Для Прюсик причины, побуждающие преступника к насилию, представляли такой же интерес, как и смертельные раны.

О ее навыках криминалиста в ФБР ходили легенды. За десять лет работы в офисе Среднего Запада она добилась известности благодаря сочетанию таких качеств, как богатое воображение, интуиция и целеустремленность. В данном расследовании в ее команду входили Брайан Эйзен и Лидс Хьюз, два опытных, знающих, проницательных специалиста,

уже работавших с ней по громкому делу Романа Мантовски. Тогда раскрыть преступление помог удивительно точный портрет семьи убийцы, составленный Прюсик на основании скудного набора улик.

Мантовски избивал своих жертв дубинкой, причем особенно доставалось тыльной стороне ладоней и пальцам, в которых он всегда ломал каждую косточку. Потом, обмакнув кончик сломанного указательного пальца в кровь жертвы, он рисовал крест и оставлял под ним надпись: *«Чистота – вторая добродетель после праведности»*.

Впервые прочитав это леденящее душу сообщение, Прюсик начала складывать теорию семьи убийцы, построенной вокруг болезненной чистоплотности и строгой религиозной практики. Традиция исключительной чистоты особенно распространена в семьях иммигрантов из Восточной Европы, включая семью самой Прюсик. Отметив характерный запах полировального воска, исходивший от нескольких жертв Мантовски, она описала его как единственного ребенка пожилой пары, возможно относительно недавно приехавшей в Соединенные Штаты, вырастившей сына в доме, где поддерживался строгий порядок. Ни одно нарушение установленных правил, рассуждала Прюсик, не оставалось без серьезных последствий.

Не прошло и месяца, как убийцу поймали за покупкой лейкопластыря, стерильной марли и клейкой ленты в аптеке менее чем в миле от четырех его жертв, членов одной се-

мьи. Мантовски выдали его руки. Наблюдательный фармацевт обратил внимание на правую руку покупателя, такую же опухшую и со следами побоев, как у жертв на фотографиях, разосланных следственной группой владельцам местных магазинов на основании предположений Прюсик.

Мантовски бил себя по руке после каждого нападения, воспроизводя и ритуализируя наказание, которому подвергался в детстве за незначительный проступок вроде следов на полу, оставленных подошвами ботинок. Воспитывавшие мальчика бабушка и дедушка были твердыми последователями особо строгого извода лютеранства и после каждой провинности заставляли внука обращаться к пастору за наставлением. Не довольствуясь словесными увещеваниями, они вдобавок били его по костяшкам пальцев щеткой из бронзовой проволоки.

Поразительный успех в деле Мантовски вознес Прюсик на должность старшего судмедэксперта, но никогда раньше ее не назначали руководителем крупного расследования.

Войдя в лекционный зал, она сразу же направилась по проходу между рядами складных стульев к стенду, установленному рядом с проекционным экраном.

– Извините за опоздание. Начнем?

Сбоку от проектора сидели те, кто составлял ядро ее команды: пять специалистов, искусенных в вопросах смерти, разложения и всего, что находят на трупе или возле него. Как и она, мужчины были в лабораторных халатах с именны-

ми бейджами. Они являлись экспертами в области химического анализа и анализа материалов, умели находить скрытые отпечатки и проводить ДНК-тестирование, могли идентифицировать волокна и разбирались в компьютерных технологиях. Вдобавок они все были женаты на работе. Лидсу Хьюзу и Брайану Эйзену было чуть за тридцать, как и их ровеснице Прюсик. Лерой Берджесс и Пернелл Уайкофф, оба седые и изрядно облысевшие, успели обзавестись внуками и подумывали об отставке. Пятого члена команды, Пола Хиггинса, интернет-аса нового поколения, привел и уговорил принять на борт Эйзен, главный технический специалист группы. Прюсик отнеслась к новичку с недоверием. Ей сразу же не понравились его длинные волосы.

– Джентльмены, события развиваются стремительно. – Она обвела собравшихся взглядом. – Похоже, у нас серийный убийца. Смерть неопознанной из Блэки наступила в результате удушения, перелома третьего и четвертого шейных позвонков. Следы сдавливания на горле схожи по размеру и расположению со следами на горле Бетси Райан. Даже беглый просмотр слайдов, – она похлопала по карману лабораторного халата, – не оставляет сомнений в том, что оба преступления – дело рук одного и того же человека. У него сильные руки. На подушечках средних пальцев есть мозоли, из чего можно заключить, что он, скорее всего, работает на ферме, заправочной станции или просто разнорабочим. При этом работа позволяет ему свободно передвигать-

ся. Он практичен и осторожен. На данный момент сообщений о том, что его кто-то видел, не поступало. Никто не видел ничего подозрительного.

Прюсик остановила взгляд на новичке.

– Компьютер дает какие-нибудь совпадения?

Хиггинс выпрямился. Длинная прядь темных волос упала на правый глаз. Заправив ее за ухо, он бегло просмотрел стопку распечаток.

– Всего нападений такого рода, включая нападения с нанесением увечий женщинам, при которых возраст установленных нападавших находился в диапазоне от восемнадцати до сорока пяти лет, зафиксировано в зоне Среднего Запада от Чикаго до Нового Орлеана сорок одно. Подтверждено, что тринадцать человек находятся в местах лишения свободы, так что остается двадцать восемь.

– Да, я знаю, сколько будет, если от сорока одного отнять тринадцать, мистер Хиггинс. – Прюсик скрестила руки на груди. – Что у нас с неподтвержденными?

Он оторвал взгляд от своего ноутбука.

– Вы кого спрашиваете? Меня?

– Ну же, мистер Хиггинс. – Прюсик жестом предложила ему продолжать.

Нервно подергивая ногой, Хиггинс щелчком открыл несколько электронных таблиц. Эйзен предупреждал его, чтобы он был готов.

– Я не получил подтверждения их местонахождения в ука-

занные даты. Только у четырех из них есть известные адреса в Индиане и Иллинойсе.

– И что?

Лерой Берджесс громко откашлялся. Прюсик взглянула на химика и сидевшего рядом с ним эксперта по волокнам Пернелла Уайкоффа. Нехватку навыков общения они обычно компенсировали информацией о микроэлементах и идентификацией шерстяных, хлопчатобумажных и полиэфирных волокон от различных производителей одежды. Однако на этот раз им удалось обнаружить лишь металлический налет, возможно ржавчину с багажника легковушки или кузова грузовика.

Прюсик снова перевела взгляд на новенького.

– И?

– Я все еще жду ответов по данному вопросу от местных властей, мэм, – сказал Хиггинс. – Выписанных и действующих ордеров на арест не зафиксировано.

Она подошла к нему.

– Хиггинс, ты здесь новенький?

– Полтора года в Бюро, мэм. – Ответ был неправильный.

– Но в отдел криминалистической экспертизы вы перевелись только на прошлой неделе, верно?

– Да, мэм.

– Расшифровка улики в вашем случае зависит от способностей к программированию, от умения обходить сетевые протоколы. Но для меня вы хороши только в том случае, если

можете представить результат. Эйзен говорит, что вы можете. Так можете?

– Да, мэм.

– Когда я довожу до вас информацию с места или сообщаю о каком-то важном повороте в деле, мне нужно знать, что вы принимаете услышанное к сведению и работаете соответственно, с учетом новых данных. Другими словами, проявляете инициативу, не дожидаясь, пока я попрошу. – Она понизила голос. – Понимаете?

Хиггинс кивнул, неловко поджав губы.

– Он работает допоздна, Кристина, – мягко заметил Эйзен. – Как и все мы.

– Работать допоздна – этого мало, – не сводя глаз с Хиггинса, сказала Прюсик. – Есть еще такое понятие, как срочность, джентльмены. Я работаю допоздна. Вы работаете допоздна. Но мы не можем позволить себе запаздывать с результатами. Расследованием этого дела руковожу я. И если мне поджарят задницу, то и вам придется несладко. Понятно?

– Да, сэр. – Хиггинс густо покраснел. – То есть мэм.

– Ему нравятся ручки, протоки. – Прюсик закрыла ручку колпачком и повернулась лицом к залу. – Чтобы потом отмыться, очиститься. Говорят, это дар, когда человек знает, как быстро найти путь к сердцу девушки, будучи ей незнакомым. Обаяния у него в избытке. Не нападает там, где все просматривается. Это вам не какой-нибудь отморозок.

Его жертвы практически не оказывают сопротивления. В те укромные места у воды, где их ждет смерть, они идут добровольно, своими ногами.

Прюсик взглянула на Эйсена.

– Брайан, пожалуйста, свет.

Эйзен подошел к выключателю у двери, а Прюсик разложила слайды на стеклянной пластине специального проектора с 30-кратным увеличением.

– Снимки сделаны вчера местным коронером в Блэки, штат Индиана.

Эйзен выключил свет. Лампа проектора залила экран ярко-белым светом, секундой позже трансформировавшимся в жуткие багровые полосы разрезанного горла. Под потемневшим дубовым листом виднелась часть поцарапанной щеки.

– Он правша, – продолжала Прюсик, показывая следующий слайд, на котором был представлен живот второй жертвы. – Режет, лежа на них, чем можно объяснить присутствие мельчайших следов краски на груди и нижней части живота. Завтра я буду знать больше.

Группа экспертов-криминалистов под командой Брюса Говарда должна была доставить все улики, найденные как на месте преступления, так и вокруг него, включая – об этом попросил эксперт по ДНК Лидс Хьюз – лиственную подстилку с того места, где лежало тело. Прюсик понимала, что при перевозке тела могут быть утрачены какие-то улики,

в том числе ДНК. Хотя генетический анализ и представлял собой быстро развивающееся и усложняющееся научное направление, сама ДНК легко загрязнялась в случае, например, дождя или вмешательства не защищенных перчатками рук. Если повезет обнаружить чистую ДНК, образец сравнят с данными, имеющимися в базе Национальной системы ДНК-индексации, содержащей образцы большинства осужденных по тяжелым статьям преступников.

После вскрытия дело перейдет на федеральный уровень и будет передано Прюсик из-под юрисдикции местной полиции, не располагающей достаточными ресурсами для расследования убийств, захвативших уже половину территории Индианы.

– Тоже разрез брюшной полости? – спросил Эйзен, снимая очки в большой оправе, слишком крупные для его пухлого лица. Подышав на каждое стекло, он тщательно вытер их о свой лабораторный халат. На щеках от нижних краев оправы остались две горизонтальные фиолетовые вмятины.

– Да. – Прюсик воспользовалась лазерной указкой. – Судя по степени разложения, девушка, скорее всего, была убита в тот же день, когда ее похитили, то есть примерно четвертого июля. Энтомологические⁸ данные позволяют предположить, что он убил ее на том же месте, где ее нашли, и не перемещал тело. Скоро поймете почему. Обратите внимание на следы сдавливания на шее.

---

⁸ Энтомология – зоологическая дисциплина, занимающаяся насекомыми.

В зале послышались негромкие голоса. Следующий снимок показывал обнаженное тело жертвы сверху. Даже листья как будто потускнели в сравнении с яркой картиной останков. Далее последовал вид туловища сбоку; вероятно, снимавшему пришлось лечь рядом с телом. Прюсик дала десятикратное изображение длинной ножевой раны, переливающейся на экране всеми цветами радуги.

– Что думаете, Пернелл? – Она увеличила изображение по максимуму, направив объектив на некий организм. Вдоль нижнего края рамки шла миллиметровая линейка.

– Семейство падальные мухи, точно. *Lucilia sericata*, зеленая бутылочная муха, распространенная разновидность мясных мух. Яйца откладывают в тени, рядом с проточной водой. В условиях июльской жары взрослые самки откладывают яйца в течение двадцати четырех часов после смерти, куколки проклевываются дней через восемь-девять. Личинка уже потемнела, находится на продвинутой стадии куколки. Судя по длине – примерно девять миллиметров, – со времени кладки яиц взрослой самкой прошло где-то от восемнадцати до двадцати шести дней. Конечно, это только предположение – надо посмотреть в лаборатории.

– Спасибо, Пернелл, – поблагодарила Прюсик. – Итак, если привязать время смерти к стадии личинок на трупе, получается, что девушку убили где-то в первую неделю июля.

На следующем слайде взрослые зеленые бутылочные мухи и личинки облепили край зияющего разреза в левом боку

жертвы. Разрез шел от одиннадцатого ребра до тазовой кости. Прюсик провела лучом лазера по несколько смазанному участку, на котором почти прозрачные личинки с жадностью поедали труп. Причиной нечеткости изображения как раз и была неистовая активность этих обжор.

– Мясным мухам особенно нравится человеческая плоть, но и нашему убийце. По крайней мере, такого лакомства, как внутренности, он им почти не оставляет. – Прюсик показала следующий снимок – еще ближе к ране.

Планшет Хиггинса шлепнулся на пол. В тишине было отчетливо слышно сдавленное дыхание. Налетев на несколько складных стульев, молодой компьютерщик распахнул заднюю дверь и исчез в коридоре.

В темноте по губам Прюсик скользнула легкая усмешка.

– У вас есть лучший крупный план тканей вокруг рваных ран на шее? – Эйзен сосредоточенно поправил очки.

Лучшего специалиста по анализу цифровых фотографий Прюсик не знала. Конвертируя цифровые изображения, Эйзен накладывал скрытые отпечатки или частичные рисунки папиллярного узора на уже имеющиеся в обширной базе данных ФБР. Основываясь на разработанном им самим оригинальном методе, он мог, имея в своем распоряжении четкий отпечаток большого пальца, определить приблизительный рост преступника с точностью до нескольких сантиметров. Вот только в этом деле никаких отпечатков обнаружено до сих пор не было.

– Один сейчас будет. Я знала, что ты спросишь. – Она прошла взглядом по глубоким вмятинам на свернутой шее жертвы. Пока все присутствующие изучали эти свидетельства жестокости. Прюсик ощутила пульсацию в ладони. Сделав глубокий вдох, она разжала кулак, который стиснула так сильно, что два пальца свело судорогой. Потом щелкнула выключателем и вернулась на место.

Первым, постукивая карандашом по передним зубам, заговорил Эйзен:

– Пятна вдоль пореза на теле Бетси Райан указывают на то, что преступник использовал лезвие из углеродистой стали.

Вернувшийся в зал Хиггинс сел поближе к двери.

– Не проверить ли владельцев похоронных бюро и их работников? – предложил Хьюз, потирая переносицу.

– Я предполагала, что Хиггинс это уже сделал, – ответила Прюсик. – Проверьте также работников моргов в тамошних больницах, мистер Хиггинс.

– Да, мэм. – Компьютерщик заерзал, откашлялся и спросил: – Как думаете, что он делает с их органами?

Прюсик посмотрела на него из-под ладони, загоразивая бьющий в глаза свет.

– Рада, что вы снова среди живых, Хиггинс. Отвечаю на ваш вопрос – я не знаю. Полное отсутствие каких-либо внутренних органов на месте преступления дает основание предположить, что он перемещает их куда-то. Вода рядом, он может отмыться. Полагаю, увлечение нашего убий-

цы внутренними органами значит нечто большее. Их удаление завершает какой-то внутренний процесс. – Какой? Хотела бы она знать. – В обоих случаях тела обнаружены на значительном удалении от дороги или какого-либо легкодоступного пункта. Думаю, он заманивает их чем-то, уговаривает проехать с ним на машине в более безопасное для него место. В полицейском отчете из Блэки упоминается след из разворошенных листьев, как если бы кто-то спускался второпях по крутому склону оврага. Возможно, ключевой частью преступной схемы нашего убийцы является погоня как элемент игры. Нужно проверить медкарты преступников, которые вышли на свободу в последние пять лет и были замечены в жестоком обращении с детьми или преследовании. – Прюсик помолчала и негромким, спокойным голосом продолжила: – В природе погоня – важная черта поведения хищников. У гепардов, например, мать всегда предоставляет своему подростку детенышу позаботиться о себе самому. Поначалу молодой гепард не может убивать. Почему? Вы как думаете, Хиггинс?

Хиггинс поднял голову; лоб его влажно блестел.

– Наверное... потому что нет опыта?

– Сначала должна побежать жертва, газель Томсона. Бег жертвы – триггер, запуск механизма охоты большой кошки. С ним и связан инстинкт убийства. Молодой гепард должен дожидаться, пока испуганная газель сделает свой ход, а уже потом заканчивает дело.

Прюсик остановилась в нескольких шагах от новичка.

– Газели нужно набраться смелости, чтобы решиться на эту отчаянную попытку. И когда это случится, гепард догонит ее. Пока газель стоит, большая кошка в тупике и не знает, что делать. Возможно – всего лишь возможно, – что и наш преступник тоже не может. Возможно, ему, чтобы убить, нужно, чтобы они убежали. Это его заводит.

Стоя посреди комнаты, она сложила руки в молитвенном жесте, прикоснувшись к губам кончиками пальцев, закрыв глаза, представляя все это в почти трансовом состоянии. Потом подняла голову.

– Будьте уверены, джентльмены, наш убийца пользуется человеческой слабостью. Как всегда делают все хитрецы. Он завоевывает их доверие. С детьми сделать это легче всего с помощью обмана, проецируя что-то похожее на нежность, что-то особенно привлекательное для юного ума, что-то неотразимое. Они должны попасться на это – на доверие, доброту, даже обольщение.

Прюсик прижала мизинец к ладони.

– По всей вероятности, девушки идут добровольно, без принуждения, без борьбы, которая привлекла бы к нашему убийце нежелательное внимание. Он умеет выбирать, и делает это хорошо. Уязвимая жертва всегда одинока. – Она помолчала. – Если больше нет вопросов, давайте вернемся к работе. Не стану напоминать, что давление есть и оно только усилится. Предположу, что прежде чем станет лучше, ка-

кое-то время будет только хуже.

Она вышла из лекционного зала и вернулась в свой кабинет, представляя, как плывет на спине в теплой воде, в аква-маринном свете бассейна, представляя острый запах хлора и приятную расслабленность во всем теле, которая придет потом.

В дверь постучали.

– Брюс Говард на первой линии, – просунув голову в кабинет, сообщила Маргарет. – Говорит, что это важно. – Она закатила глаза.

Прюсик вздохнула, подняла трубку и постаралась взять доброжелательный тон.

– Здравствуй, Брюс. Чем могу помочь?

Он заехал за мусорные контейнеры у клиники Уилксборо и выключил зажигание. Воздух Южной Индианы благоухал приятной свежестью после недели проливных дождей. Клиника находилась на окраине Уиверсвилла, административного центра округа, расположенного на так называемом мыске штата, недалеко от слияния рек Огайо и Уобаш и примерно на равном расстоянии от Сент-Луиса и Чикаго – путешественник может добраться до любого из этих городов менее чем за три часа езды.

Прием Дэвиду Клэрмонту был назначен на семь часов. Ужин с родителями он пропустил – аппетит определенно пропал. Он вздохнул и постучал в дверь кабинета с табличкой: «Ирвин Уолстейн, доктор медицины».

Поздоровавшись с Клэрмонтом, доктор жестом предложил ему сесть в кресло перед большим письменным столом красного дерева.

– Итак, спишь теперь лучше? – спросил он, открывая папку.

– Да. Но я так поздно просыпаюсь. Даже будильник не слышу. Маме приходится стучать в дверь, и она злится.

– Хорошо, тогда попробуй принимать только одну пятидесятимиллиграммовую таблетку меллерила за полчаса до сна. Посмотрим, как это сработает. И продолжай прини-

мать амитриптилин по одной таблетке перед каждым приемом пищи.

На полке, за столом психиатра, Клэрмонт заметил странную маленькую картину, которую не видел раньше: абстрактное изображение обращенного вниз потемневшего лица. При этом само лицо было неполным и занимало не все пространство. Глядя на картину, он почувствовал себя неуютно.

Уолстейн вышел из-за стола и сел в кожаное кресло напротив пациента.

– Как твои дневные видения? Были новые после... после четвертого июля, да?

– Нет, ничего такого. Даже говорить не о чем. – Клэрмонт задрыгал ногой, потом достал тюбик гигиенической помады, открыл и помазал губы.

С того дня прошло больше трех недель. Под палящим солнцем он пропалывал помидоры на огороде у матери, когда случилось неопишное. Поднятая мотыга вдруг застыла на взмахе, и на глазах у него земля зашевелилась, словно движимая рукой невидимого скульптора. Один влажный комок подался вверх, изображая наполовину высунутый язык, другие же комья под ним быстро сформировали остальное лицо, смутно напоминающее кого-то. При одной мысли об этой странной трансформации гулко заколотилось сердце. Он снова перенесся в овраг, где росли дубы и воздух пропитался ореховым запахом прошлогодних листьев. Похожий овраг был в лесу, за полями его отца, далеко от городской

черты. Внезапно он увидел ее: часть грядки сложилась в лицо, и лицо издало крик – девичий крик, – и из земли вынырнули большие невинные глаза, ставшие еще больше, когда в них заметалась паника преследуемого хищником оленя. Его зубы ударились о ее зубы, его рука ползла по ее ребрам... ниже, ниже...

– Похоже, тебя что-то тревожит. – Уолстейн взял золотую шариковую ручку, покрутил ее между большим и указательным пальцами. – О чем ты сейчас думаешь, Дэвид? В прошлый раз мы почти не говорили о четвертом июля.

– Нет, не говорили. – Дэвид с натугой сглотнул и постарался отогнать ужасное видение.

– Поговори со мной. От разговоров вреда не бывает. Только молчание убивает.

– Вреда, может, и не бывает, но правда ли, что от них есть толк? – На мгновение их глаза встретились, и взгляд Клэрмонта переместился на портрет на полке. Он пожал плечами. – Той женщине, которая только что ушла, они не помогли.

– Понятно. – Уолстейн слегка улыбнулся и кивнул. – Теперь ты читаешь мысли.

– Говорите как хотите, но вылеченной она точно не выглядела.

Он еще раз быстро оглядел небольшое помещение: письменный стол, пол, ковер. Проверяя и перепроверяя, знакомясь с подлинной природой офиса, убеждаясь, что офис су-

ществует отдельно от него и то неведомое, что бурлит у него в голове, не прячется в темном углу за столом доктора Уолстейна, чтобы сбить его с толку, ошарашить. Но легче от такой проверки не стало. Если в огороде у матери могла двигаться земля, то двигаться могли и ковры, и мебель, и даже стены.

– Итак. – Доктор хлопнул себя ладонями по бедрам. – Лекарство, похоже, действует. Те плохие сны наяву вроде бы прекратились. Для начала неплохо. Думаю, ты делаешь успехи.

– Это ничего не значит. Ничего. Все будет продолжаться. Как уже было в марте. Как я рассказывал вам в прошлый раз. – Клэрмонт опустил глаза и заметил, что его нога отбивает быстрый ритм.

– Пусть так. Тогда помоги мне понять. Я не смогу помочь, если ты не хочешь обсуждать со мной то, что тебя пугает. Каждый видит сны, в том числе и сны наяву. Твои очень важны. – Уолстейн подался вперед. – Сны – такая же часть каждого нас, как, скажем, вождение автомобиля, рождение ребенка или работа. Более того, сны говорят что-то уникальное о каждом из нас и, если удастся расшифровать их язык, могут дать нам ценную информацию.

Клэрмонт закрыл глаза. Он не хотел злить доктора. Ему требовалась медицинская помощь. Он всегда был человеком замкнутым, но в последнее время ему захотелось общения. Единственная проблема заключалась в том, что его мог-

ли счастье неуравновешенным, слишком странным, и тогда ни одна девушка не захочет ни встречаться с ним, ни принимать его всерьез. Особым объектом его желаний была Бонни Мортон, очаровательная дочь соседа, за которой он с таким увлечением гонялся в детстве, когда они играли в прятки. Неделю назад они случайно встретились в центре Уиверсвилла, и она узнала его, поздоровалась и помахала рукой, одарив широкой улыбкой, дав то, за что он мог зацепиться. Надежду. Несколько дней он мысленно прокручивал этот короткий эпизод, представляя, что ее легкое «привет» и взмах рукой означали нечто большее, что он в самом деле ей понравился и она хочет, чтобы он пригласил ее на свидание.

– Эй! – Уолстейн легонько похлопал его по ноге. – Дэвид?

Опять сны наяву?

– Извините, – встрепенулся Клэрмонт. – Вроде того.

– Слышал такое выражение: «Это всего лишь сон»? – Глаза у доктора были добрые, но легче от его слов не стало.

– Но не днем же! – выпалил Клэрмонт. Образ машущей рукой Бонни мгновенно испарился. – Что, если это случится, когда я за рулем, а потом вдруг... – Он опустил глаза. – Да я и на обочину съехать не успею... И даже пикап остановить.

Доктор кивнул.

– Да, нелегко тебе.

– Я чувствую запахи... настоящие запахи, ужасные... Вы должны мне поверить. Должны помочь.

Покусывая кончик золотой шариковой ручки, Уолстейн

размышлял над словами пациента.

– Эти видения, они, должно быть, очень яркие. Я вижу, как ты расстроен. – Доктор наклонился вперед и коснулся колена Дэвида. – Скажи мне, что именно ты видишь? Какие запахи чувствуешь?

– Я бы этого не сделал, – прохрипел Дэвид едва слышно, так что доктор не понял, что это было – вопрос или признание. – Я бы ни за что на свете...

– О чем ты говоришь? – Уолстейн внимательно посмотрел на пациента. – Что именно происходит в этих твоих видениях?

Клэрмонт неопределенно кивнул; он уже перенесся в какой-то далекий лес, и в ушах у него шумел водный поток.

Электрические часы на стене кабинета показывали восемь часов. Они уже превысили время на десять минут, а ему еще нужно было забрать дочку из дома бывшей жены. Угрожает ли Клэрмонту непосредственная опасность? Трудно сказать. Он так не думал.

– Мне жаль, Дэвид, но на этом нам придется остановиться. Давай продолжим в следующий раз? – Уолстейн достал из нагрудного кармана рубашки маленький календарь-планировщик. – Думаю, будет хорошо, если ты придешь еще раз на этой неделе. Как насчет, скажем, четверга? В семь часов?

– Что, если я не доживу до четверга? – Проблемный пациент опустил голову. – Что, если...

– Если возникнет необходимость, позвони мне раньше.

Обязательно, Дэвид.

Уолстейн записал номер своего мобильного телефона на визитной карточке и протянул пациенту.

– Если возникнут какие-то тревожные видения, звони на мобильный в любое время дня и ночи. Увидимся в четверг, в семь.

5

Город Кроссхейвен расположен в самом центре холмистого района Южной Индианы. В известняковых пещерах, словно пчелиные соты, усеявшие лесистые ущелья, температура круглый год держится на одном и том же уровне – пятьдесят четыре⁹ градуса, – что позволяет в течение нескольких дней хранить в них мясо. Воспользовавшись спадом июльской жары, из Канады хлынули массы не по сезону мягкого воздуха, следствием чего стало долгожданное падение влажности.

Сандалии Джули Хит прошлепали по крутой подъездной дорожке от дома ее подруги Дейзи Райнлендер до тротуара Олд-Шед-роуд. Едва ли не всю вторую половину дня четырнадцатилетняя девочка пробездельничала в спальне Дейзи, слушая компакт-диск Тейлор Свифт.

Был четверг, и это означало, что у ее младшей сестры Мэдди собрание герлскаутов. Мать повезет ее на машине, и когда Джули вернется домой, там никого не будет. Подумав, она решила срезать путь через лес. И погода была подходящая. Если пройти по дну оврага, то можно выйти к участку ниже дома. Джули перешла дорогу и оказалась на опушке леса. Невесть откуда взявшаяся ветка больно ткнула ее в подъем ноги, и этого оказалось достаточно, чтобы девочка

---

⁹ Около 12 °С.

передумала и вернулась к дороге.

Прохладный ветерок развеял светлые волнистые волосы и приподнял неоновую-зеленую юбку, обнажив узловатые колени. Пританцовывая в ритме застрявшей в голове мелодии Тейлор Свифт «You Belong with Me», Джули шла по тротуару.

– «Я рассмешу тебя, когда к твоим глазам подступят слезы»...

За поворотом, неловко прижавшись к обочине, стоял старый пикап, выглядевший так, словно его бросили из-за поломки. Она машинально огляделась по сторонам и, продолжая напевать – но уже потише, – прошла мимо автомобиля.

Услышав голос, Джули замолчала и остановилась. Рядом кто-то был. У подножия большого дуба, менее чем в пятидесяти футах от нее, облитый лучами света, стоял на коленях молодой человек. На незнакомце был комбинезон, какие носят работники гаража. В ладонях он что-то держал, негромко, вполголоса приговаривая. Джули он, похоже, не заметил.

Чтобы получше рассмотреть, она прислонилась щекой к гладкому стволу бука. Склонившись над неизвестным предметом и заботливо его поглаживая, мужчина нашептал какие-то нежные слова. Как мило, подумала она. Пикап, должно быть, принадлежал ему. Может быть, он остановился из-за какого-то зверька, переходившего дорогу. Белки и кролики постоянно совершали безрассудные перебежки перед машинами. Сколько раз ее мама жала на тормоз,

бормоча что-то себе под нос. Вот только она ни разу не вышла из машины, чтобы утешить бедняжку, как сделал вот этот парень, – остановился и отнес к лесу, чтобы выпустить в естественную среду.

– Извините, мистер... – Джули откашлялась и заговорила громче. – А что у вас в руках? – Она приблизилась к нему на несколько шагов. – Оно пострадало?

Незнакомец повернул голову в ее сторону и улыбнулся. Джули подошла ближе.

– Что там у вас?

Она наконец смогла рассмотреть. Маленькая черепашка! Ей нравились черепахи, особенно то, как они вытягивают шею из-под панциря, проверяя, свободен ли путь, прежде чем двинуться дальше.

– Переходила дорогу? – спросила Джули наугад.

Он поднял ладонь и кивнул.

– Да. Еще бы немного – и крышка. Парень передо мной умышленно повернул прямо на нее. Понимаешь? Откуда в людях такая жестокость к животным. Мы ведь все дети Божьи. Разве нет?

Джули кивнула. Теперь, когда незнакомец помянул Бога, она чувствовала себя в безопасности. Ее воспитали баптисткой, и их семья почти каждое воскресенье ходили в церковь.

– Заблудилась. – Мужчина поднял черепашку на уровень глаз. – Думаю, у нее есть братик возле того ручья. – Он мотнул головой в сторону заросшего лесом оврага.

Джули заметила, что одежда у него сильно испачкана краской.

– Меня зовут Джули. Джули Хит, – сказала она, останавливаясь в десяти футах от него.

– А это будет Снэппи. – Незнакомец снова поднес черепашку к лицу. – Потому что своего настоящего имени он мне еще не назвал.

Присмотревшись, Джули заметила, что у черепашки высокий гребенчатый панцирь.

– Ой, да это же каймановая черепашка, – сказала она с улыбкой.

– Да, пожалуй, что так. Мелкая кусака¹⁰. – Мужчина коротко взглянул на нее и снова переключился на черепашку.

Джули сделала несколько осторожных шагов, сократив расстояние между ними вдвое.

– Вы поэтому так криво пикап поставили? Чтобы спасти ее?

– А она догадливая, – сказал незнакомец черепашке. – Приятно, правда, Снэппи, когда о тебе так заботятся? – Он повернулся, показывая черепашку Джули. – Хочешь, эта милая девочка немного тебя подержит? Отнесет к чистой воде. Хочешь?

На этот раз мужчина не посмотрел на Джули и обращался только к черепахе. А когда все же посмотрел, девочка уже

---

¹⁰ Второе название каймановой черепахи, известной своим агрессивным поведением, – кусающаяся; собственно, одно из значений *англ.* sparry – кусака.

стояла на расстоянии вытянутой руки.

– Вот, поддержи ее. – Он протянул руку с черепахой. Изпод панциря высовывался только кончик мордочки.

– Спасибо, – тихонько сказала Джули. Его рука коснулась ее ладони, и она осторожно подняла черепаху за верх панциря. Голова, лапы и хвост оставались скрытыми.

Мужчина быстро поднялся и, не сказав больше ни слова, начал спускаться по склону. Джули стояла неподвижно, глядя ему вслед. Он почти исчез, и она видела только его макушку. Она тоже начала спускаться, внимательно глядя под ноги. Склон становился все круче, и когда Джули оглянулась, дороги уже не было видно. Она вытерла лоб тыльной стороной запястья.

Черепашка высунула голову. Глаза у нее блестели. Когда Джули снова подняла голову, мужчина стоял перед ней, слегка присев и держа руки на коленях. Она заколебалась, захваченная противоречивыми чувствами. Черепашку можно оставить здесь. Отпустить. Нести ее к ручью вовсе не обязательно. Черепахи умеют самостоятельно находить воду. Снизу уже доносился журчащий звук. Ручей был рядом.

По коже словно пробежал холодок, и Джули едва не выронила Снэппи. Обхватив понадежнее панцирь, она прошептала:

– Все в порядке. Сейчас я тебя отпущу. Ты ведь хочешь попить?

У нее самой пересохло в горле, и хотелось пить.

Мужчина неторопливо, засунув руки в карманы, пошел вперед по опавшим листьям. Джули медленно последовала за ним, стараясь переступить листья, чтобы они не хрустели под ногами и не пугали черепаху. Они с Мэдди часто забавы ради прыгали в мягкие, как одеяла, кучи листьев в лесу за домом.

Незнакомец прошел дальше. Джули успела заметить, как внизу блеснула вода. Внезапно мужчина исчез. Остался только глубокий овраг, деревья и океан листьев, лежавший между ней и ручьем. Черепаха отчаянно вцепилась когтями в ее руку.

Над головой пронеслась стая скворцов и с громкими пронзительными криками и свистом обрушилась на ближайшее дерево. В горле у Джули пересохло. Она повернулась и двинулась вверх по склону, к дороге. Ее окружал как бы амфитеатр с колоннами дубов. Она посмотрела по сторонам, пробежала взглядом по деревьям.

«Где же он?»

Ее взгляд остановился на трепещущих на ветру перьях, высунувшихся из-за большого дуба прямо перед ней. Джули недоверчиво прищурилась. Через два отверстия в перьях на нее смотрели темные радужки глаз.

– Ку-ку, – сказал он внезапно изменившимся голосом.

Черепашка выскользнула из пальцев, и в следующее мгновение Джули бросилась вверх по склону. Она слышала его – ближе и ближе, – слышала шорох листьев у него под ногами,

слышала, как он зовет ее по имени. В уши било ее собственное тяжелое дыхание, потом к нему добавилось и его, и вот она уже в двенадцати футах от вершины холма... в восьми футах... в шести...

Он схватил ее за ногу и, смеясь, потянул вниз.

– Я просто играл с тобой, Джули, милая, – мягко сказал он. – Ты же не думала, что я отпущу тебя? – Он сжал ее лодыжку так сильно, что она вскрикнула от боли. Краем глаза она уловила какое-то движение – в поле зрения заползла черепашка. Вытянула шею... посмотрела на Джули... моргнула и поспешила прочь по палым листьям.

Он навалился на нее сверху и схватил за подбородок.

– У меня на тебя другие планы, малышка Джули. Особые планы.

Затуманившимся от слез взглядом Джули вцепилась в ребристый панцирь. Она не могла закричать, она не могла пошевелиться и только смотрела на бесшумно удаляющуюся черепаху.

* * *

Через час после того, как Джули Хит совершила свою короткую прогулку по Олд-Шед-роуд, Джоуи Темплтон возвращался домой с летней репетиции на блестящем синем велосипеде «Schwinn». Пристегнутый к спине громоздкий футляр для тромбона мотался влево-вправо, из-за чего перед-

нее колесо велосипеда ходило из стороны в сторону. Джоуи был маленьким для своего возраста, ниже большинства своих ровесников из шестого класса, и толстые стекла очков увеличивали его глаза, всматривающиеся в большой пугающий мир. Тяжелые очки постоянно сползали по носу, и ему то и дело приходилось задвигать их на место.

Дорога вышла из крутого виража, и Джоуи перестал крутить педали, заметив неуклюже припаркованный пикап. Он вильнул в сторону, едва не врезавшись в бордюр. Незнакомый мужчина запихивал что-то в кузов пикапа. Увидев Джоуи, он тут же выпрямился. На нем был грязный, весь в пятнах комбинезон. Проезжая мимо, мальчик вытаращился на странного незнакомца с глубоко посаженными глазами, угрюмое лицо которого расплылось в широкой улыбке. Он даже кивнул и помахал рукой, но Джоуи не купился – мужчина явно ему не обрадовался. Неожиданная встреча с чужаком на самом пустынном участке дороги от школы до дома выбила его из колеи. Большинство ребят выбирали для возвращения домой другой маршрут, и Джоуи, проезжая через лес, всегда налегал на педали.

Добравшись до дома, мальчик, запыхавшись, вбежал в кухню.

– Дедуля, дедуля!

Никого. Дедулей он называл своего дедушку, Элмера Темплтона, четыремя годами ранее переехавшего жить к Джоуи и его старшему брату Майку. Случилось это после то-

го, как родители мальчиков, спасаясь от наводнения, выехали на необозначенный железнодорожный переезд и попали под товарный поезд.

Хлопнула дверь пикапа. Джоуи спрыгнул с крыльца и опрометью помчался по двору. Из-за поворота изгороди вышел он, самый добрый человек во вселенной. Вышел и, с трудом волоча негнущиеся ноги, направился к внуку. Джоуи схватил Элмера за жесткую как подошва руку, едва не свалив старика с ног. Прижав дедушкину руку к щеке, он вдохнул ореховый запах лосьона «Corn Huskers», пролившегося накануне из большой квадратной бутылки. Часть лосьона Элмер растер по белым рукам внука.

– Что с тобой, сынок? – Старик наклонился к мальчику. В выцветшем джинсовом комбинезоне, чисто выбритый, он, как и Джоуи, был худощавого телосложения.

– Дедуль, я знаю, ты думаешь, что я все выдумываю. И Майк так думает. Но я видел сейчас какого-то странного человека. Правда странного. У него такой пикап... жутко старый. И он в нем что-то делал. Не знаю что. И он точно нездешний. – Джоуи остановился, чтобы перевести дух. – Он так злобно на меня посмотрел, а потом сразу улыбнулся, как будто хотел, чтобы я ничего такого не подумал про его жуткое лицо. Да только меня он не провел. Больше я по той дороге ездить не буду!

– Не части. О чем ты говоришь? – Элмер положил ладонь на плечо мальчика. – Тебя что-то обеспокоило? Этот чело-

век занимался своим делом? – Старик знал, что внук склонен к преувеличениям, но сейчас мальчик был встревожен и серьезен более, чем обычно. Они вместе поднялись по ступенькам крыльца и сели на скамейку-качели. Больше всего Элмер хотел, чтобы внук преодолел свои страхи, ужас, которым наполнилась его жизнь после того дня, когда родители погибли на железнодорожных путях.

– Ты должен мне поверить, дедуль. Говорю тебе, он делал там что-то нехорошее. У него был там старый пикап, весь побитый, хуже твоего, и он стоял там, возле леса, где ничего нет. Знаешь то место? Я там езжу иногда на велосипеде. – Наморщив лоб, Джоуи посмотрел в водянистые глаза бабушки. – Там даже ни одного дома поблизости нет. Олд-Шедроуд.

Элмер кивнул.

– Да, знаю.

– Он прятал что-то в кузове. И не хотел, чтобы я это видел. Но я видел, дедуль.

– Что ты видел?

– То... – Джоуи уставился в пол, как будто заметил что-то крадущееся к нему. – Я видел то, что он пытался спрятать. – Мальчик поднял голову и посмотрел старику в глаза. – Он не хотел, чтобы я это видел. Точно не хотел. И ему не понравилось, что я увидел.

Элмер задумался.

– Вот что. Пойдем-ка заберем Майкла, а потом направим-

ся к Шерми.

– Пикап стоял как-то криво, – напряженно морща лоб, продолжал Джоуи. – И одежда у него была грязная, как будто он копал или делал что-то еще в лесу. Зачем бы ему что-то такое делать? Зачем, дедуль? – Мальчик поежился, вспомнив неприязненный, злобный взгляд незнакомца. – Что-то не так, дедуль. Что-то там очень, очень плохое.

6

– Это крутой лесистый склон. Тело находилось далеко от дороги – на мой взгляд, в четверти мили от нее и по вертикали футов на триста ниже. Место захоронения жертвы скрыто опавшими листьями. Разглядеть что-либо поблизости почти невозможно. – Брюс Говард позвонил в конце рабочего дня, и его отчет свелся к сухому изложению фактов. – С участка вокруг места захоронения собрали тридцать семь мешков образцов окружающей среды. Вот, в общем-то, и все. Ни о каких уликах говорить, собственно, не приходится.

Прюсик встала из-за стола, чтобы получше рассмотреть увеличенную, восемь на десять, фотографию жертвы на месте захоронения. По предварительным данным, ею была девятнадцатилетняя Мисси Хупер, местная жительница, пропавшая без вести около месяца назад.

– То есть местные там не все испортили? – Прюсик постаралась поддержать тот же ровный тон, который взял Говард, хотя далось ей это с трудом. Нелегко оставаться сдержанной, когда рушится еще одна надежда получить хоть какие-то улики.

– Трудно сказать, Кристина. Местность для работы неудобная. Под листьями полно чертовых корней; приходится смотреть в оба, чтобы не споткнуться. – Судя по голосу,

избежать этой неприятности самому Говарду не удалось. – Уверен, переместить тело было бы нелегко. И мне трудно поверить, что местные ничего там не тронули и оставили все как было. Не повезло, да?

Прюсик представила место преступления: сначала там топтались местные правоохранители, теперь Говард и его криминалисты спотыкаются о прячущиеся корни. Все это только осложняет ситуацию, затуманивает общую картину и уменьшает шансы на отыскание еще одной детали головоломки. При таком положении дел сохранять остатки доброжелательности в телефонном разговоре с Говардом становилось все труднее.

– Брюс, ты можешь хотя бы подтвердить, что тело защищено? – Мобильник Говарда издавал раздражающее эхо, воспроизводя ее голос каждый раз, когда она говорила. – Ты был в офисе коронера?

– В точном смысле слова офисом я бы это не назвал...

– Я в курсе, да. Но оно должным образом упаковано в мешок и хранится в холодильнике?

– Послушай, Кристина, у меня здесь оперативная группа. Мне приказано обеспечить сохранность места преступления и провести сбор улик, – четко и ясно ответил Говард. – Я полагал, что тело будешь осматривать ты лично. В конце концов, ты эксперт в этом деле и это в сфере твоей профессиональной ответственности.

От такого ответа подчиненного Кристина даже потеряла

дар речи и, чтобы прийти в себя, сделала глубокий вдох.

– Вы абсолютно правы, специальный агент. Именно этим я и займусь. Уверена, мне не нужно напоминать вам, что данное расследование требует слаженной командной работы – как в лаборатории, так и в полевых условиях.

Телефонное эхо вернуло ее голос с сильной металлической нотой.

– Что у тебя с телефоном, Брюс? Упал в ручей? – Не став ждать ответа, она дала отбой и расстегнула верхнюю пуговицу рубашки.

Брюс Говард перевелся сюда из бостонского офиса всего лишь четыре месяца назад. Занимаясь административной работой, он умел пожимать руки на собраниях оперативников – настоящий мужчина, недостатка в которых Бюро никогда не испытывало. Следуя своей естественной склонности и не будучи привычным отчитываться перед женщиной, Говард предпочитал – в нарушение правил субординации – обращаться непосредственно к Торну, минуя Прюсик. От нее не укрылось, что и сам Торн не пресекает такое поведение, тем самым его поощряя.

Она перевела дух и разжала кулак. А нельзя ли было провести этот телефонный разговор иначе? Никаких вещественных доказательств команда Говарда не обнаружила, если только что-то не попало случайно в один из мешков для сбора образцов. Сохранность тела жертвы имеет первостепенное значение, и та обеспокоенность, которую она выразила

Говарду, была совершенно обоснованной. Как и настойчивость, и даже резкость, прозвучавшая в ее голосе. Они впервые вели совместное расследование, и оно уже превращалось в схватку за сферы влияния, причем Говард видел только свою сторону головоломки и занимался только ею, не желая видеть всю картину в целом. В их разговоре его эгоизм и гордость проявились в полной мере. Даже со скидкой на плохое качество связи было ясно, что Говард начисто лишен командного духа и не желает признавать тот факт, что руководит расследованием она. Как бы то ни было, она не могла допустить, чтобы разочарование в нем заслонило гораздо более важную задачу: собрать как можно более полную информацию об убийце. И сделать это незамедлительно.

На столе зазвонил телефон.

– Кристина?

– А кто же еще? – Она провела ладонью по коротким волосам. – Извини, Брайан, не обращай внимания. Что у тебя?

– Думаю, тебе стоит спуститься в лабораторию и увидеть своими глазами.

– Уже иду, – бросила она и выбежала из кабинета.

Спустившись на лифте на три этажа, Прюсик провела идентификационной картой по магнитному ридеру на двери лаборатории. Эйзен стоял, склонившись над большим смотровым столом из нержавеющей стали. Поверх очков он надел защитные линзы.

– Кристина. – Эйзен широко улыбнулся ей и поднял руку,

демонстрируя изогнутый осколок стекла, который он держал между большим и указательным пальцем. – У нас частичный отпечаток большого пальца.

– Откуда?

– Помнишь, мы проводили анализ перемещения тела по делу Бетси Райан для определения места преступления?

Поскольку фактическое место убийства Райан так и не было установлено, Прюсик разрешила Эйзену воспользоваться помощью друга-математика, чтобы попытаться проследить движение трупа с учетом времени, течения и погодных условий и таким образом вычислить исходный пункт. Попытка оказалась безуспешной.

– Я думала, мы там зашли в тупик, – сказала она.

– Мой друг Макс, тот самый, который хорош в числах, сперва не учел такой фактор, как позднее таяние льда на берегу озера в этом году. Необычное поверхностное течение повлияло на перерасчет, из-за чего зона смещения сдвинулась более чем на милю от первоначальной. Там, недалеко от берега, мы это и нашли – взрыхленный песок и вот этот осколок разбитой стеклянной банки с частичным отпечатком.

– Ты явно не все мне говоришь. – Прюсик наклонилась, рассматривая осколок. – Частичный отпечаток – в лучшем случае сомнительная улика с точки зрения криминалистики.

– Да, согласен, ты права. Но тебе следовало бы спросить, как я могу связать разбитое стекло с убийством. – Эйзен рас-

цвел в улыбке. – На внутренней поверхности банки, с которой я снял фрагмент, полно ДНК жертвы.

– Ты уверен? – озадаченно спросила Прюсик.

– Да, я знаю, ты думаешь: почему стекло? Что оно там делает? Вряд ли он использовал его как оружие. На кромке осколка никакой ДНК не обнаружено, так что им он жертву, вероятно, не резал.

Эйзен снова взял стекло двумя пальцами и показал Прюсик.

– Да, я считаю, что это «он». Ширина отпечатка соответствует норме для взрослого мужчины.

– Тот берег – не какая-то закрытая территория, – напомнила она. – Его мог подобрать обычный прохожий.

Эйзен кивнул – похоже, он приготовился к ее возражениям.

– Верно. Но отпечаток сохранился в каком-то выделении – предположительно, секрции жертвы, – а значит, он был оставлен в момент смерти или сразу после нее. И еще одна деталь: находясь на внутренней стороне банки, отпечаток был защищен от воздействия внешней среды. – Эйзен снял защитные линзы. – Место там очень уединенное. Низина между дюнами, далеко от береговой линии и парковой дороги. Мы никогда бы его не нашли, если бы не рассчитали перемещение повторно. Место действительно изолированное, – подчеркнул Эйзен.

Сердце как будто сорвалось в галоп, дыхание сбилось.

Кристина опустилась в кресло и вцепилась в подлокотники. Перед глазами уже встало другое изолированное и далекое отсюда место: лес, наполненный оглушающим жужжанием насекомых, которых не было и быть не могло в дюнах у озера Мичиган. В какой-то момент она испугалась, что потеряет сознание. Где этот чертов анксиолитик?¹¹

Как надо – так его и нет.

– Кристина, я что-то не то сказал? – полушутя спросил Эйзен. – Ты в порядке?

– Я в порядке, Брайан. Все хорошо. – Прюсик быстро поднялась, борясь с головокружением и иррациональным порывом выбежать из лаборатории. – Отличная работа. По отпечаткам что-нибудь есть?

– Как раз сейчас прогоняем частичный отпечаток через AFIS, – сказал Эйзен, имея в виду автоматическую систему идентификации по отпечаткам пальцев.

Мизинец запульсировал от боли. Сама того не сознавая, она все это время сжимала кулак.

– Нет, правда, Брайан, хорошая работа. Отличная. Дай мне знать, когда что-то найдешь. – Она вышла из лаборатории и, оглянувшись в последний момент, увидела, что Эйзен озадаченно смотрит ей вслед.

Вернувшись в офис, Кристина взяла сумочку и ключи

---

¹¹ Анксиолитики (противотревожные) – современное, более корректное название класса препаратов, ранее числившихся как «малые транквилизаторы» (в отличие от «больших», которые ныне более корректно называются антипсихотиками или нейролептиками).

от машины, спустилась на лифте в гараж и отправилась в спортклуб – снять напряжение в расслабляющей атмосфере бассейна. На других дорожках в этот час бывает обычно тихо, и слышать она будет только плеск воды и собственное дыхание в едином ритме с каждым движением сильных рук.

* * *

– Департамент шерифа Кроссхейвена, – спокойным голосом произнесла в трубку Мэри Картер, диспетчер городской полиции.

Проработав здесь десять лет, Мэри чувствовала себя на своем месте. На поясе у нее висела кожаная кобура, тершаяся о стол каждый раз, когда она наклонялась вперед, что случалось частенько, поскольку офис шерифа она покидала редко – только когда подходила ее очередь нести службу на улицах.

– Ваша дочь опаздывает домой, так, Карен? Поняла. Джули четырнадцать, верно? И у нее светлые вьющиеся волосы.

Мэри зачитывала вопросы из выведенного на экран опросника и, получая ответы от матери девочки, Карен Хит, впечатывала их в карточку поиска пропавших. Черные полимерные очки Мэри особого полицейского образца были разработаны с расчетом на возможные уличные стычки, но пользовалась она ими только для чтения криминальных триллеров. Серьезному испытанию они подверглись лишь

однажды, упав со стола, когда Мэри сняла их, чтобы вытереть переносицу салфеткой «Wet-Nap». Ей нравился лимонный запах этих завернутых в фольгу салфеток, которым она наслаждалась обычно после того, как уговаривала парочку хрустящих глазированных круллеров¹² из «Кухни Либби».

– Где, вы говорите, Джули была днем? – Мэри внесла в карточку очередную запись: *«Дейзи Райнлендер, Олд-Шедроуд, 6, номер телефона 426-9807»*.

– Какие-то особые приметы или физические дефекты?

«Небольшой шрам на правом локте от падения с дерева», – записала она, выбрав эту информацию из пространного ответа Карен, включавшего недовольство темпом разговора и требование без промедления позвонить шерифу Макфэрону.

Диспетчер терпеливо оставалась на линии.

– Мне жаль, Карен. Извините, не поняла. – Она поправила наушники. – Как долго нет Джули? Так, понимаю, несколько часов. Вы дважды связывались с миссис Райнлендер. Ваша дочь ушла оттуда примерно в три часа дня.

Мэри знала, что в случае отсутствия чрезвычайных обстоятельств заявление о пропаже человека обычно полиция штата принимает не ранее чем по прошествии двадцати четырех часов, но она попросила Карен оставаться на линии,

---

¹² Круллеры – популярное на Среднем Западе США кондитерское изделие немецкого происхождения, напоминающие перекрученные или рифленые пончики.

пока свяжется с шерифом по рации.

– Шериф? Это Мэри. Прием.

– Что случилось? – спросил шериф Джо Макфэрон, вытягивая на всю длину радиושнур из окна своего «Форда Бронко» 1996 года выпуска. В этот момент он стоял возле дренажной трубы на ферме Бичемов в нескольких милях к югу от города, наблюдая за самим мистером Бичемом, сидящим на земле рядом со своим трактором. У фермера, по всей вероятности, случился легкий сердечный приступ, и Макфэрон ждал приезда скорой помощи.

– У меня на линии Карен Хит. Она очень волнуется, хочет, чтобы вы дали сигнал всем постам о пропаже ребенка. По ее словам, девочка отсутствует три или, может быть, часа четыре. Местонахождение неизвестно. Прием.

Шериф сдвинул повыше свою ковбойскую шляпу и провел ладонью по лбу. Он знал Карен Хит – комок нервов – и помнил, как на школьном стадионе она упала в обморок, когда нога Генри Смолла из его школьной команды оказалась между двумя противниками. Глухой хруст кости Генри отправил Карен Хит напрямиком на скамейку запасных.

– Свяжись со всеми постами, – сказал он. – Я буду в офисе в течение часа. Которая из девочек пропала – Джули или Мэдди?

– Джули.

– Если она появится, сразу же перезвони ребятам, иначе они устроят истерику из-за того, что я поторопился. Между

нами говоря, Карен Хит всегда на грани нервного срыва, да благословит Господь ее душу. Прием.

Мэри отправила бюллетень в окружной офис полиции штата, находящийся в десяти милях к северу от Кроссхейвена, после чего откинулась на спинку стула, задумчиво пережевывая свежий горячий пончик на сидре. Пончик оказался достаточно маленьким, чтобы засунуть его в рот целиком и тем самым заполнить тишину между вызовами.

Отпустив кнопку, Мэри сообщила Карен Хит, что уведомила шерифа и распространила бюллетень, и добавила:

– Карен, если Джули появится, пожалуйста, позвоните. Если я что-то узнаю, то сразу же свяжусь с вами.

Карен Хит не ответила, и Мэри подумала, что, должно быть, до нее наконец дошло: она подала заявление о пропаже своего ребенка.

– Карен, вы здесь? – уже мягче спросила Мэри.

– Да, я вас слышу.

– Мы будем на связи, Карен. Постарайтесь немного отдохнуть.

Мэри повесила трубку и покачала головой. Джули была милой, ответственной девушкой, ввязываться в какую-то перепражку она бы не стала. Скорее всего, ничего особенного, подумала Мэри, потянувшись за очередным пончиком, но в последний момент приняла другое решение и решительно закрыла коробку.

Мальчики и Элмер сели за столик подальше от дыма, клубящегося над компанией мужчин, устроившихся на табуретках лицом к открытой плите. Шерми Датчер, владелец закуской, оторвал взгляд от гриля и что-то пробормотал Карле – единственной официантке в его заведении, – после чего вернулся к готовке.

Карла положила перед Элмером и мальчиками три столовых прибора, туго завернутых в бумажные салфетки.

– Привет, Карла, – сказал Элмер. – Как дела сегодня?

– Отлично. А что с твоим младшим? Привидение увидел?

Майк фыркнул.

– Вроде того.

Джоуи свирепо посмотрел на старшего брата.

– Никакого привидения я не видел, но кое-что – да, видел.

Шестнадцатилетний Майк положил руку брату на плечо и предостерегающе посмотрел ему в глаза.

– Не трепись. – Он много раз предупреждал Джоуи о том, что нельзя делать поспешных выводов о людях и распространять небылицы.

Джоуи обиженно насупился, и Элмер вступился за младшего внука:

– Все в порядке, Майк. Не трогай брата. Завтра с утра у нас серьезная рыбалка. Верно, Джоуи?

«Рыбалка» была их кодовым словом, означавшим посиделки вдвоем и разговоры по душам. Для Джоуи старик был единственной отдушиной. Только он, единственный человек во всем мире, позволял ему болтать без умолку и слушал его при этом. Майк слушать бы не стал.

Джоуи потерял глаза. Те жуткие секунды, когда он промчался мимо пикапа на Олд-Шед-роуд, снова и снова прокручивались у него в голове. Он поднял глаза и посмотрел на Карлу.

– Я видел того парня...

– Джоуи, что я тебе говорил? – перебил брата Майк. – Ты же совсем его не знаешь. И заканчивай со своими выдумками. – Он ткнул пальцем в стол и наклонился ближе к Джоуи, чтобы Карла не услышала. – Прошлой весной тебя доставал в школе тот придурок... как его... Джонни Шеннон, да? Прекрати выдумывать ерунду про людей, которых даже не знаешь. Предупреждаю в последний раз.

– О'кей, – вмешался Элмер. – Майк, ты сказал, что хотел. Хватит. Мы пришли сюда поесть, а не винить во всех неприятностях твоего брата. Он же никому ничего плохого не сделал.

Вся троица заказала фирменный обед – мясной рулет, жареный картофель и луковые кольца. Взгляд Джоуи остановился на сидящем за стойкой мужчине в таком же, как у Элмера, комбинезоне. Только на старике одежда висела как на вешалке, а на незнакомце едва удерживала жировые склад-

ки. Повернувшись на табурете, толстяк посмотрел на Джоуи.

– Управляешься с мальчишками, а, Элмер? – Его тело задрожало от смеха. – Карла говорит, малой видел привидение.

Поняв, что толстяк подшучивает, Джоуи сердито вздернул подбородок.

– Не было никакого привидения. Я этого и не говорил! – Он обиженно отвернулся. – Я правду говорю, дедуль.

Элмер постучал по столу большими загорелыми костяшками пальцев.

– Я знаю, что ты не врешь, сынок. Не обращай внимания на мистера Барнса. Майк прав в том, что не стоит выставляться перед другими. Они знают, как тебя завести, вот и прикалываются, как умеют.

Слушать это все Джоуи уже не мог. Он снял очки и потер глаза грязными руками.

– Я в туалет. – Там, по крайней мере, над ним никто не будет подшучивать и смеяться.

Медленно вращая между ладонями зернистый кусок мыла, Джоуи прислушивался к разговорам посетителей, проникавшим через тонкую стену. Толстяк, который смеялся над ним, мерзко захихикал, как те задиры в школе. Джоуи терпеть этого не мог. Джонни Шеннон был его заклятым врагом. При встрече в коридоре он всегда старался повалить Джоуи на пол и пнуть коленом в пах – под смешки своих приятелей.

Джоуи оперся локтями о раковину. Запах мыла смешался с запахом жирной домашней картошки-фри.

В закусную, пытая и отдуваясь, вошел какой-то мужчина.

– Послушайте, ребята, Джули Хит объявлена в розыск. Только что услышал. Бесследно исчезла несколько часов назад. После того, как ушла из дома подруги на Олд-Шед-роуд. С тех пор ее никто не видел – ни у Либби, ни в бакалейной лавке Харриса, ни где-либо еще. В полицейском бюллетене сказано, что на ней зеленая юбка и белая рубашка на пуговицах.

Джоуи выронил мыло из намыленных рук, посмотрел на себя в зеркало, висящее над раковиной, и кое-что вспомнил. *«Как будто в горошек»*. Он попытался успокоиться, как всегда советовал Майк. Положив очки за ручки крана, он плеснул себе в лицо холодной водой. Надо все хорошенько вспомнить. Он сморгнул капли воды и снова надел очки.

Старый пикап стоял так, словно его припарковали в спешке, заехав колесом на бордюр. Тот взгляд, которым наградил его незнакомец... Джоуи запомнил его навсегда. Это было сразу после того, как он увидел, что мужчина запикивает что-то в пикап.

Не вытирая лицо, Джоуи повернулся и взялся за дверную ручку. Мужчина, упомянувший полицейский бюллетень, стоял рядом с толстяком, сидящим на табурете.

Прервав их, Джоуи сказал:

– Эй, мистер, вы сказали, Джули Хит?

Мужчина уставился на мальчика сверху вниз. То же самое сделали и другие, сидевшие за стойкой.

Толстяк Фред Барнс заметил, что с рук Джоуи падают капли.

– Малыш, забыл высушить варежки, а? – Он рассмеялся, издав звук, похожий на звук тубы.

Джоуи не обратил на него никакого внимания и, глядя на незнакомца рядом с Барнсом, вытер руки о штаны.

– Она шла домой той же дорогой, что и я. Той самой, на которой я видел какого-то чужака.

Он с трудом сглотнул, уже не думая ни о том, что Майк может разозлиться, ни о чем-либо другом, кроме как о том, что мог делать возле пикапа странный незнакомец. А делать он мог только одно...

– Он засовывал что-то в кузов и не хотел, чтобы я это видел. – Джоуи снова водрузил на нос очки. – Но я видел. Строительный брезент... такой... как будто в горошек. Красный горошек.

В зале воцарилась тишина. Его услышали все. Это был один из тех странных моментов, которые люди вспоминают позже так: как будто слова, длящиеся едва ли миг, повисли вне времени.

Первым подал голос мужчина, принесший известие об исчезновении Джули. Наклонившись к Джоуи, он спросил:

– Парень, ты уверен?

Барнс, отдуваясь, прыгнул с табурета. Остальные мужчины столпились вокруг. Джоуи слышал, как за спиной у них выругался Майк, а потом голос бабушки:

– Погоди, Майк!

Кто-то подошел к телефону-автомату у двери. Джоуи услышал, как в телефон упала монета. Его окружили, не давая пройти Элмеру и Майку. Со всех сторон сыпались вопросы.

Наконец из-за голов и плеч высунулся Элмер.

– Извините, – сказал он, протискиваясь боком между мужчинами. – Пропустите меня к моему мальчику.

Рука Элмера легла ему на плечо, и Джоуи повернулся и посмотрел ему в глаза.

– Я уверен. Точно уверен.

На этот раз никто не произнес ни слова. Промолчал даже шутник Барнс. Слова не разрушили чары, а только усилили их, как будто Джоуи был дирижером, который не жестикулирует, а посетители закуской – его оркестром без инструментов. Вместе они играли музыку приглушенного дыхания, тяжелого приглушенного дыхания.

Шериф Джо Макфэрон уже завел мотор своего кремового «Бронко», когда на держателе над коробкой передач зазвонил мобильный телефон.

– Это Джо, – глубоким, низким голосом сказал он.

– Шериф, похоже, в закусочной Шерми небольшой переполох. Вроде бы Джоуи Темплтон знает что-то о Джули Хит.

Мэри откинулась на спинку кресла, продемонстрировав пустому офису объемистый животик. Ее массивная грудь почти ничем не отличалась от груди солидного, грузного мужчины. Полицейская форма придавала Мэри явно выраженные андрогинные качества, маскирующие ее тайное, чисто женское влечение к шерифу. Подавшись вперед, она потянулась к клавиатуре и, продолжая разговаривать с Макфэронном, открыла на экране бюллетень происшествий.

– Я в двух минутах от закусочной. Направляюсь туда, – сказал шериф. – Конец связи.

Расстегнув воротник, он мельком взглянул в окно. Комбайн на поле сделал широкий разворот, проглотив целый ряд кормовой кукурузы. Над ним, громко каркая, носились вороны. Лучи предвечернего солнца, словно изменив угол падения, внезапно окрасили все вокруг густым цветом сепии. Ему всегда нравился этот световой предзакатный эффект, смягчающий очертания деревьев и полей. В старших клас-

сах он тренировался, бегая по трибунам в конце дня, когда на стадионе уже никого не осталось, бегал, пока небо не розовело, а потом садился на скамейку. Такого состояния умиротворения он никогда не испытывал на церковной службе.

Макфэрон подъехал к закусочной и вышел. Высокий – шесть футов и два дюйма¹³, – с приятной внешностью ковбоя, шериф и в тридцать пять мог похвастать тем, что обхват груди у него оставался на несколько дюймов больше обхвата талии. Густую копну волнистых темных волос обычно прикрывала широкополая форменная шляпа. Нередко случалось, что, засидевшись допоздна на работе, он засыпал на диване, так и не сняв ее.

Макфэрон открыл дверь, и шум в закусочной мгновенно стих.

– Привет, Джо, – встретил его Шерми. – Тут у нас Уилсон утверждает, что пропала Джули Хит.

– Да, все верно. Послушайте меня внимательно. – Шериф откашлялся. – Джули четырнадцать лет, рост – пять футов и четыре дюйма, волосы светлые, вьющиеся, была одета в зеленую юбку и белую рубашку. В последний раз ее видели, когда она выходила из дома Дейзи Райнлендер на Олд-Шедроуд около двух сорока пяти. Заявление подала мать девочки, Карен. Так что, парни, будьте внимательны. Она могла пострадать на дороге, может быть, упала в канаву. Увидите или услышите что-нибудь, сразу же звоните.

---

¹³ Около 1 м 88 см.

– Вот Джоуи что-то видел, – раздался громкий голос, и закусовая снова наполнилась голосами, но теперь уже приглушенными.

– Дайте мне минутку, парни, о'кей? – Макфэрон подошел к столу, за которым Джоуи Темплтон сидел со своим братом и дедушкой.

Шериф коротко погладил мальчика по голове.

– Что ты видел, сынок?

Джоуи посмотрел на Макфэрона так, как всегда смотрел на дедушку, – с полным доверием.

– Жуткий тип. Я видел его, когда возвращался домой на велосипеде.

Макфэрон кивнул.

– Где это было?

– Я ехал с репетиции... чуть позже полчетвертого. По той дороге, которая начинается в конце школьного поля.

– Да, знаю. Олд-Шед-роуд. – Макфэрон приподнял край шляпы. – Продолжай.

– Я увидел пикап. Он стоял как-то криво. Это возле того сломанного телефонного столба, к которому приставили новый.

– Ты имеешь в виду тот, что едва не упал после прошлогодней ледяной бури?

Джоуи кивнул.

– Ему не понравилось, что я его видел.

– Как он выглядел?

Джоуи уставился в пустоту, вызывая в воображении за-
помнившийся образ, заново представляя всю сцену. Потом
снова посмотрел в твердое загорелое лицо шерифа.

– Он накрывал что-то в кузове. Не хотел, чтобы я это ви-
дел. – Мальчик сглотнул. – И одежда у него была жутко гряз-
ная.

Макфэрон вспомнил, что видел Джоуи в начале лета
на вечеринке по случаю дня рождения, устроенной в обще-
ственном парке Эхо-Лейк. Мальчик тогда разволновался из-
за глупого поддразнивания – какой-то дебошир посмеялся
над ним из-за того, что он играет с девочками. К счастью,
рядом был дедушка мальчика, он повел внука прогуляться,
и тот остыл.

– Ты видел его лицо? – Шериф сел напротив Джоуи и снял
шляпу. – Можешь его описать?

В закускойной воцарилась тишина. Карла поставила
на стол поднос, и Шерми отошел от гриля.

– Он не старый. Раньше я никогда его не видел. На нем
был комбинезон, такой, как носят механики, с карманом
на груди, грязный, забрызганный чем-то спереди. Мне пока-
залось, он мокрый.

– Телосложение? Какой он?

– Не очень высокий, довольно худой. У него густые брови,
так что глаз было почти не видно. Честно, шериф, я думаю,
что это Джули он запихнул в кузов.

– Почему ты так думаешь?

Макфэрон внимательно наблюдал за мальчиком. Вид у того соответствовал словам. Джоуи явно переживал сильное потрясение и, сам того не замечая, рвал в клочки салфетку под столом. Глаза его наполнились слезами.

– А что еще могли означать те брызги, шериф? – мягко спросил он.

Майк многозначительно откашлялся, но промолчал и вмешиваться не стал. Джоуи знал, что брат наверняка устроит нагоняй по дороге домой, но ему было наплевать. Он видел то, что было по-настоящему важно. Одно дело – ныть из-за всяких дразнил и драчунов в школе, и совсем другое – делать то, что он делал сейчас. Пусть он не может дать отпор таким, как Джонни Шеннон, но он кое-что видел и говорит правду.

Макфэрон почесал затылок.

– Опиши пикап, если можешь. Какого он цвета?

Джоуи глубоко вздохнул и сосредоточился.

– Грязный, в пятнах. И такой... ржавый. По-моему, серый. Старый, это точно. Колесные ниши как горбы. Радиаторная решетка темная. Бампер большой, ржавый и выпирает вперед. – Джоуи изобразил рукой что-то похожее на букву «S».

– Хорошо, сынок, у тебя отлично получается. Допустим, я покажу тебе книжку с картинками пикапов. Как думаешь, смог бы его найти там?

– Да, смог бы. – Память у Джоуи была хорошая: на уроке истории прошлой весной он смог без запинки назвать имена

и фамилии всех президентов и вице-президентов США.

Джоуи взглянул на стоящих у стойки мужчин. На лицах у всех застыло одно и то же выражение, и теперь уже Фред Барнс выглядел так, словно только что увидел привидение.

Макфэрон уже анализировал услышанное. Джоуи видел незнакомца на той же дороге, где стоял дом Райнлендеров, в котором была до исчезновения Джули Хит. Его рассказ звучал вполне правдиво, как и описание пикапа. Вместе с тем следовало учитывать и то, что мальчик отличался чрезмерной возбудимостью, боязливостью и чрезмерным воображением. Шериф уже решил, что нужно поручить Мэри проверить, не вызывал ли кто-нибудь из живущих на Олд-Шедроуд маляра или рабочего.

На ремне у шерифа запищала рация, вслед за чем раздался женский голос.

– Говори, Мэри. Прием. – Он уменьшил звук до минимального.

– Только что звонил Боб Хит, – сказала она. – Хочет, чтобы вы связались с ним как можно скорее. Прием.

Макфэрон огляделся.

– Перезвоню через минуту. Конец связи.

Он погладил Джоуи по голове.

– Сынок, ты очень мне помог. – Он взглянул на Элмера. – Мистер Темплтон, книжку с пикапами я покажу чуть позже, если Джули Хит не найдется раньше. И вот что еще. Джоуи, ты не сможешь кое-кому нарисовать портрет этого челове-

ка?

– Да, сэр, помогу. – Доверие шерифа так ободрило мальчика, что он выпрямился.

– Хорошо, – сказал Элмер. – Будем вас ждать.

Макфэрон поднялся и, напомнив всем немедленно сообщать ему о появлении Джули Хит где бы то ни было, вышел из закуской и направился к своему внедорожнику, откуда позвонил Мэри по мобильному телефону и рассказал историю Джоуи.

Шериф уже отъезжал, когда из закуской вышли Джоуи, его брат Майк и их дедушка. Он восхищался стариком, который напоминал его собственного дедушку, первого в семье шерифа Кроссхейвена. Когда его сын, отец Джо, скончался от сердечного приступа, он взял шестнадцатилетнего внука к себе. Боль потери в юности ощущается особенно остро, и никакой работой, сколько ни взваливай на себя, ее не уймешь. Не постигнет ли та же участь и Мэдди Хит, лишившуюся в столь юном возрасте сестры? И не лишилась ли сама Джули чего-то еще большего?

8

Придорожная пыль кружилась в вихрях меняющегося атмосферного фронта. Прюсик быстро расплатилась с таксистом и, щурясь, повернулась навстречу ветру. Вдалеке, на расстоянии нескольких миль, намного выше крейсерской высоты пассажирского лайнера, висела туча, принявшая четко очерченную форму наковальни. Стояла тяжелая влажная духота, прогнозы сулили скорые грозы. В Блэки с его маленьким аэропортом она прилетела на самолете «Юнайтед Экспресс», крупной компании, поглотившей ряд региональных с целью обслуживания огромной территории с сельскохозяйственными районами и обширными лесами, занимающей растянувшийся на сотни миль центр Америки, ограниченный Миссисипи с запада и Мексиканским заливом с юга.

Базой Брюса Говарда и его команды, ответственной за сбор и идентификацию материалов, собранных с места обнаружения тела, служила передвижная лаборатория ФБР.

– Стюарт Брюстер, – представился агент, поднимаясь из-за маленького письменного стола с ноутбуком, на экране которого нанесенные на топографическую сетку линии обозначали место преступления. – Приятно познакомиться с вами, мэм.

Прюсик поставила на пол кейс и сумку и пожала протянутую руку.

– Мне тоже, агент Брюстер. Где мистер Говард?

– С утра выехал на место с тремя другими агентами. Может быть, удастся найти что-то, что пропустили вчера. – Коренастый, с короткими ногами, Брюстер высунул голову за дверь и посмотрел на надвигающиеся грозовые тучи. – Надо успеть, пока не разверзлись небеса и не размыло овраг.

Говард подошел к делу со всей скрупулезностью, и Прюсик не могла не отдать ему должное. Брюстера она не знала – в Среднезападное отделение Бюро он пришел относительно недавно. Торн разрешил Говарду привлечь в созданную им оперативную команду нескольких агентов по его собственному выбору. Достав из заднего кармана брюк носовой платок, Брюстер чихнул, и его лицо и шея мгновенно порозовели.

В задней части лаборатории находился отсек для хранения. На полках стояли пухлые пакеты с собранными на месте преступления материалами, каждый с ярлычком и каталожным номером. Может быть, подумала Прюсик, где-то в этих пожухлых листьях кроется ключ к разгадке.

Со стороны поросшего лесом оврага донесся приглушенный крик. Она вышла из лаборатории и направилась к краю дороги под прикрытием естественного навеса, образованного кронами нескольких елей. Двое мужчин методично осматривали склон, усыпанный опавшими листьями бука, дуба, ясеня и желтого кладрастиса. Прочесывая склон, агенты использовали светочувствительную ультрафиолетовую лампу

и магнитометр для обнаружения металлических предметов и других скрытых под листьями улик.

Чуть в стороне раздался еще один мужской голос, принадлежавший, как сразу же поняла Прюсик, Говарду, почти такой же начальственный, как у Торна. Один из агентов повернулся к боссу. Самого Говарда она не видела, но слышала, как он дает указания насчет места поиска. Не желая вмешиваться, Прюсик осталась у дороги.

Через некоторое время покачивающаяся из стороны в сторону голова Говарда появилась в поле зрения. Вскарабкавшись по крутому склону, он выпрямился и сдвинул на переносицу очки-авиаторы. Лоб его поблескивал от пота.

– Привет, Брюс. Как дела? – спросила Прюсик, когда Говард подошел ближе. Лицо агента выдавало напряжение: складка между бровями углубилась, глаза смотрели устало. Ход расследования и на нем сказывался не лучшим образом.

– Ты давно здесь? – спросил он, прибавляя шаг. Они пожали друг другу руки.

– Только что приехала.

Небо вдруг потемнело, грянул гром.

– Хорошо, что вышли пораньше. Думаю, нам не стоит стоять под высокими деревьями.

Он кивнул и едва заметно улыбнулся.

– Пожалуй, не стоит.

– Есть новости?

– Даже не знаю. Не уверен. Ты, наверное, видела, сколько

мы собрали мешков. – Он снял очки и вытер лоб. – Брюстер показал перо?

– Перо?

– Да. Мы нашли перо. Торчало из коры упавшего сука как раз над тем местом, где обнаружили тело.

Прюсик ждала, что он скажет что-то еще, но продолжения не последовало, и она спросила:

– Почему ты думаешь, что оно имеет какое-то отношение к делу?

– Я не знаю, имеет или нет. Ты же судебный антрополог, – сказал он, пожимая плечами. – Может быть, оно ничего и не значит. Здесь полным-полно птиц.

– Нисколько не сомневаюсь, что ты не обратил бы мое внимание, если бы на то не было какой-то причины, ведь так?

– Я не специалист по птицам. Но за последние два дня не видел ни одной птицы с сине-зеленым оперением.

Прюсик откашлялась.

– Интересно. Я бы хотела взглянуть на это перо прямо сейчас, если не возражаешь.

Вернувшись в лабораторию, Прюсик положила прозрачный пакет для улики, в котором лежало перо, под галогенную лампу высокой мощности. Стержень крылового пера был обрзан и обработан на конце. Представить, что оно выпало в таком виде во время полета, было невозможно. Кроме того, стержень был слегка изогнут в направлении, противополо-

ложном его естественному изгибу. Возможно ли, что причиной такой деформации стала схватка с каким-то хищником? Прюсик задумалась. Но еще больше ее заинтересовал яркий сине-зеленый цвет опахала. И какая ж это птица с таким оперением могла пролетать над Южной Индианой?

По виску стекла струйка пота. Прюсик вытерла ее рукавом.

Она читала где-то, что некоторые фермеры специально держат возле курятников и загонов для овец павлинов – в целях предупреждения о появлении лис и других хищников. У павлинов громкий и резкий голос, услышать который можно за несколько миль. И хвостовые перья у них имеют переливающийся сине-зеленый цвет. Но ферм поблизости вроде бы не было, да и длина пера не соответствовала павлиньему. Тот факт, что оно оказалось рядом с местом преступления, в глубине лесистого оврага, определенно что-то значил.

– Следов крови не видно, – задумчиво сказала она, уже решив, что перо в любом случае нужно передать Эйзену для проверки на ДНК.

– Ультрафиолетовое сканирование тоже ничего не выявило, – добавил Говард. – Так или иначе, оно выглядит явно чужеродным предметом. Вот уж чего я точно не ожидал там найти.

– Согласна, Брюс. И то, что оно там оказалось, весьма примечательно. – Держа руку под столиком, вне поля зрения Говарда, Прюсик сжала пальцы в кулак.

У нее зазвонил мобильный.

– Добрый день, сэр.

Звонил Торн. Его интересовало, как продвигается расследование и что уже сделано.

Говард вышел из фургона на улицу, и Стюарт Брюстер последовал за ним.

– Да, да, как дела, Кристина? Это тот же убийца, с которым мы уже имеем дело?

– Команда Говарда собрала много образцов с места происшествия, включая нетипичное птичье перо. То есть здесь, в Индиане, птицы такого рода обычно не водятся.

– Как это связано с делом, Кристина? – Как и в случае с Говардом накануне, сигнал шел с искажением, в результате чего голос Торна то приходил, то уходил, как будто он говорил через какую-то удлиненную трубу.

– Не знаю, сэр. Нам нужно будет провести лабораторные анализы в Чикаго. И мне еще предстоит осмотреть тело жертвы.

– Позвони, как только появится что-то по-настоящему важное. – Торн отключился.

Кристина тут же достала из сумочки оловянную таблетницу и секунду-другую смотрела на нее в нерешительности. После обнаружения первой жертвы она здорово налегла на ксанакс, что само по себе было нехорошим знаком. Но чтобы сохранить ясность мышления, нужно справиться с беспокойством. По крайней мере, так она убеждала са-

му себя. Прюсик вытряхнула на ладонь маленькую таблетку и проглотила, не запивая.

Ветер снова и снова бросался на мобильную лабораторию, швырял дорожный песок на внешнюю обшивку. На тротуаре уже темнели пятна от первых крупных капель. Стюарта Брюстера видно не было. Говард расхаживал перед боковой дверью фургона, словно не замечая приближающуюся грозу. Он разговаривал по мобильному телефону и, как ей показалось, смеялся. Прюсик отчетливо разобрала слова «она только что приехала», за которыми последовал новый взрыв смеха. *«Что, черт возьми, его так развеселило?»*

Вспышка молнии и последовавший раскат грома вернули ее к реальности. Дождь застучал по крыше. Пора заняться делом – нужно осмотреть тело и продолжить расследование. Прюсик шагнула в темнеющий день, мысленно готовясь к тому, что ждало впереди.

* * *

С самого детства у Дэвида Клэрмонта проявилась склонность к резьбе по дереву. Результатом трудов стала огромная коллекция фигурок диких животных, занявшая несколько полок в его комнате. Одни он вырезал по картинкам в книгах, другие – по памяти. Внизу, на каминной полке, стояла пара тигров, которые особенно нравились его матери и которых он сам считал лучшим своим творением. Образ этих

больших кошек запечатлелся в памяти Дэвида с того дня, когда отец сводил его в бродячий цирк. Укротитель стоял в клетке между двумя балансировавшими на бочках тиграми, и только кнут охранял его от их страшных клыков. Кнут щелкал снова и снова, и в какой-то момент один из зверей напрягся, опустил усатую морду, а потом зашипел, рванулся вверх и лапой размером с бейсбольную перчатку ударил по проволочной сетке клетки.

Вскоре после двадцать второго дня рождения, полгода назад, интерес Дэвида резко сменился с резьбы по дереву на резьбу по камню. Однажды утром ему привиделось, что он гуляет по огромному, напоминающему пещеру залу с высоченными колоннами, похожему на открытую для публики пещеру Элая Джейкоба. Вот только в этом сне наяву Дэвид не спускался, спотыкаясь в темноте, по шатким деревянным ступенькам. Просторный зал был выложен полированным мрамором, и голоса отражались от высокого купольного, как в соборе, потолка.

Когда он потом попытался вспомнить, что же такого было в этом необычном, захватывающем сне, перед его мысленным взором вставали только выстроенные в ряд маленькие статуэтки, вырезанные из граната, нефрита и турмалина.

За новое дело Клэрмонт взялся уже на следующий день. Он потратил несколько часов на собирание подходящего материала по берегам ручьев, пробегавших по дну оврагов за участками отца. Иногда он ездил в другие места, получ-

ше, те, о которых знал. Одержимый новой страстью, Дэвид складывал камешки в заполненные песком банки из-под кофе, катал банки по дорожке, обтачивая тем самым содержимое, так что в конце концов получалась гладкая штучка размером с палец, которая, как говорила его мать, могла сгодиться для шахматного набора. О шахматах он не думал. Ему не нравилось играть, ему нравилось носить обработанный камень в переднем кармане джинсов. Клэрмонт считал камень своим талисманом на удачу, как кроличью лапку, хотя и не мог внятно объяснить почему.

– Дэвид? – вторгся в его мысли скрипучий голос Лоуренса Клэрмонта. – Ты идешь?

Сверху, там, где на стропилах старого амбара дремала сова, донеслось шуршание и трепыханье крыльев. Голос отца потревожил сон птицы. Дэвид торопливо, не глядя, провел ребристым стальным напильником взад-вперед между пальцами. Он на ощупь знал, сколько еще нужно убрать. очередной камень был уже почти готов.

Шаркая по крытым соломой половицам, к «мастерской» приближался отец.

– Дэвид? Ты слышал меня, сынок? Твоя мать уже готова.

– Сейчас иду. – Дэвид поднес камень к лампе на рабочем столе – прекрасный полупрозрачный пурпурный аметист он откопал в ближайшем гравийном карьере.

– Поторопись, сынок. Ты же знаешь, у нее уровень сахара уже зашкаливает. – Старик хлопнул ладонью по столу.

бу сарая. – Если мы сию же минуту не отправимся к Белтсону, она, чего доброго, выскочит из машины и побежит за этими чертовыми апельсиновыми дольками, которые прячет на кухне.

Дэвид положил камень на полку, щелкнул выключателем и последовал за отцом к уже пыхтящему на подъездной дорожке четырехдверному пикапу. Мать нетерпеливо ерзала на заднем сиденье и махала им рукой.

Дорога выглядела пустынной. Лоуренс смотрел в боковое окно на бескрайние, простирающиеся до самого горизонта кукурузные поля. Из-за низко стелющихся облаков выглянуло солнце, и косые лучи ударили в ветровое стекло.

– Вот дьявол! – Старик нахмурился. – Опустит козырек, сынок, ладно?

Дэвид послушно опустил козырек, но уже через минуту слепящий луч снова нашел лицо Лоуренса. Хильда, подавшись вперед, поправила воротник рубашки сына.

– А теперь запомни, Дэвид, – сказала она ему на ухо. – Если в очереди с тобой кто-то поздоровается, не забудь улыбнуться. Это вежливое поведение. Даже если человек тебе не нравится. – Последняя реплика имела отношение к тому факту, что в городе знали о «проблемах» Дэвида и о том, что он ходит к психиатру.

– Отвечать, если не хочешь, необязательно, – добавила мать. – Этого никто от тебя не ждет. – Она похлопала его по плечу, как тренер в углу боксерского ринга в промежутке

между раундами.

«Никто не ждет от сумасшедшего чего-то умного». Так подумала его мать, но вслух, конечно, не сказала. Дэвид слегка повернул голову и кивнул, успев заметить озабоченную складку у нее между бровями. По большей части она была для него совершенно чужим человеком, и ее забота выражалась в формах, совершенно ему непонятных.

– Не позволяй им докучать тебе. Ты всего лишь хочешь поесть, как все остальные. – Она скрестила руки на своем большом животе. – Всегда найдется какой-нибудь зануда, который может испортить настроение другим. – Она имела в виду, что все в городе думали примерно так: *«Вот тот чокнутый, который завалился на стол с пирогами на фермерской выставке в честь Дня независимости»*.

– Перестань, Хильда, не заводи мальчика по пустякам! – вмешался Лоуренс. – Пусть паршивцы чешут языками что хотят. Мальчик не сделал ничего плохого. К тому же он ходит к доктору. – Лоуренс положил свою тяжелую руку на колено Дэвиду. – После обеда закончим домашние дела, и у тебя еще будет время заняться своими камнями.

Они уже въехали в другой Уиверсвилл, мешанину закусок и автомастерских. Волнение вздымало грудь, и чем ближе к центру города, тем труднее становилось Дэвиду держать беспокойство в узде. «Кафетерий Белтсона» расположился в старом квартале, застроенном зданиями с кирпичными фасадами, на которых после наводнений прошлых лет

еще виднелись отметки уровня воды. Это место со шведским столом его мать предпочитала другим. Под воротником разгорался зудящий жар. Дрожали руки. Звон в ушах нарастал с угрожающей силой.

Лоуренс припарковался немного неловко, слегка задев бордюр. Хильда толкнулась в спинку сиденья Дэвида – ей не терпелось выйти.

– Ну же, ну, – торопила она. – Я уже изголодалась.

Дэвид неуклюже выбрался из машины. Яркое послеполуденное солнце резало глаза, что не сулило ничего хорошего. Очертания зданий, машин и даже людей, сидящих за столиками у большого переднего окна, как будто мерцали и подрагивали. Дыхание сбилось с ритма. Все предвещало еще одно видение. Или это сознание не дает ему сорваться с крючка? Он боялся, что ведет, получается, двойную жизнь и что другие заметят, поймут, что он не в себе, сложат два и два, и это станет началом конца. Но что он мог поделать?

– С тобой все в порядке, дорогой? – Липкая ладонь Хильды коснулась его затылка. – Да ты горишь, Дэвид!

– Я в порядке. – Он сжался от ее прикосновения, от давления внезапно обрушившегося на него мира. – И не голоден вовсе. – Он произнес это, прислонившись к крылу пикапа, и получилось почти убедительно.

Лоуренс поспешил открыть дверь для супруги. Едва войдя в зал, Хильда уверенно двинулась вперед, зацепила официантку и едва не опрокинула поднос. Бросив верхнюю

одежду на спинку стула, она устремила к раздаче горячих блюд с поспешностью ребенка, которому вдруг приспичило пописать.

Дэвид упал на стул, съежившись под натиском враждебных сил; его зрительное восприятие рассыпалось на множество завитков и точек.

Люди увидят! Может он сделать что-то еще, кроме как сидеть на стуле?

– Возьми поднос и наложи зеленой фасоли, – прошептал, наклонившись к нему, отец. – Желудку сразу станет легче.

Дэвид поднялся и, потеряв равновесие, пошатнулся. За спиной у него кто-то что-то пробормотал, и он, взглянув искоса, увидел за соседним столиком размытые тени двух женщин. Женщины замолчали и теперь только таращились на него. Вот устроил представление – лучшего доказательства безумия и не требуется.

Он поплелся за стариком к раздаточной линии. Только на это и способен – прокладывать путь между столиками, не натыкаясь на людей. Хильда уже ушла далеко вперед и со счастливым видом изучала ассортимент десертов, одновременно отдавая официантке указание положить побольше яблочного пирога с хрустящей крошкой.

Дэвид опустил глаза, и голова пошла кругом. Поднос свернулся и развернулся.

– Вам помочь? – Голос донесся из какого-то далекого далека.

Приливы жара сопровождалась покалыванием в немеющей коже. Сердце колотилось как бешеное, и он едва успевал хватать ртом воздух. Все происходило одновременно. Он снова летел вниз по склону оврага, преследуя кричащую девушку, и ничего не мог с этим поделать, подчиняясь бушующему в его голове маньяку.

Прямо перед глазами возникло лицо девушки и ее открытый в пронзительном крике рот – он попятился и упал на пустой стул. Включившаяся в голове высокоскоростная камера швырнула его в сцену погони, и он петлял на бегу между дубами в хмурой роще под непрекращающиеся крики. Черт! Прописанные доктором таблетки остались в бардачке пикапа, на котором он ездил в Кроссхейвен.

Женщина за соседним столиком набивала рот мясным рулетом. Дэвид посмотрел на свой поднос, который теперь был устелен ковром из дубовых листьев. Он поперхнулся от жуткого звука рвущейся ткани. Звук носился слева направо, как будто его голову подключили к специальной, созданной исключительно для его ушей стереосистеме. По щекам капился пот.

Дрожа всем телом, он оглянулся на женщину, которая ела мясной рулет.

Вилка в ее руке превратилась в резиновый, с красноватым оттенком шланг. Дэвид ахнул, не веря своим глазам. Только не в «Кафетерии Белтсона»! Она откусила кусок ребристого шланга, зажав его между зубами, как жевательную марме-

ладку.

Двигаясь вдоль линии раздачи, Дэвид изо всех сил заставлял себя не оглядываться на женщину со шлангом, но ничего не мог поделать с картинами погони, крутящимися в голове. Из черпака на него прыгнула пригоршня фасоли – ярко-зеленой под брызгами красного. Что-то билось там в конвульсиях, что-то живое, теплое и мягкое.

Выдох не поспевал за вдохом. Демон внутри него брал верх, овладевал им. Сопротивляться он уже не мог – видение захватило его полностью. Впереди отец пробормотал что-то, указывая на блюдо с овощами под защитным колпаком. Ладони покалывало, руки онемели, словно омертвевшие. Сначала упал поднос. А потом погас свет.

Небо уже пылало красным заревом, когда шериф Макфэрон свернул на Олд-Шед-роуд. Ключья дневного света меркли за дубовыми рощами. Сбавив скорость, Макфэрон включил дальний свет и направил боковой фонарь в сторону тротуара, высветив темную вертикаль телефонного столба.

Остановившись на обочине, он еще раз мысленно прокрутил рассказ очевидца. Джоуи Темплтон сказал, что видел что-то красное. Похожее на брызги, так сказал мальчик. Карен Хит сообщила диспетчеру, что Джули была в гостях у Дейзи Райнлендер на Олд-Шед-роуд.

Макфэрон достал мобильный телефон, пристегнул его к поясу и посветил фонариком вдоль бордюра – может быть, остались следы шин или что-то еще. Мальчик упомянул, что пикап заехал колесом на бордюр.

Обойдя телефонный столб, он заметил на краю тротуара сероватое пятно шириной около шести дюймов. Выглядело оно довольно свежим и по местоположению соответствовало рассказу Джоуи. Рисунок протектора также соответствовал его показаниям.

Значит, мальчик говорил правду о машине. Менее отчетливые полосы вдоль центрального следа протектора могли означать, что шина, возможно, была «лысой». Макфэрон достал с заднего сиденья «поляроид», которым пользовался

при разного рода происшествиях. На кассете еще оставалось семь кадров с места несчастного случая с Генри Бичемом и его трактором.

Шериф сфотографировал след сверху и, под разным углом, сбоку. В свете вспышки внимание привлекло темно-красное пятно в паре бордюрных секций от отпечатка шины. Он провел лучом фонарика по прерывистой линии красных капель, терявшейся в опавших листьях, и опустился на колени, чтобы рассмотреть их получше. Несомненно, это были капли крови, но ни следов ног, ни смазанных пятен Макфэрон не обнаружил.

Пронзительный крик прорезал тишину. Шериф выпрямился и осветил фонариком через дорогу. В верхних ветвях большого дуба блеснули глаза. Похоже, там устроилась стайка красноплечих трупялов¹⁴, и он потревожил их своим появлением. На всякий случай Макфэрон провел лучом по периметру леса. Убедившись в том, что других наблюдателей, кроме птиц, нет, он вернулся к каплям крови и попытался представить, что бы они могли означать и что здесь произошло. Самая большая капля еще не высохла.

Макфэрон набрал номер дока Хенегара. Местный терапевт, практиковавший в Кроссхейвене по меньшей мере тридцать лет, исполнял по совместительству также и обязанности окружного коронера.

---

¹⁴ Красноплечие трупялы – птицы семейства американских иволг, или желтушников.

– Док? – Судя по звукам в трубке, Хенегар что-то пережевывал.

– В чем дело, Джо? – спросил он с набитым ртом.

– Джули Хит, девятиклассница, пропала сегодня днем. Последний раз ее видели на Олд-Шед-роуд, когда она вышла из дома Райнлендеров.

Он передал доктору рассказ Джоуи Темплтона, помолчал, глядя на капли крови в свете фонарика, и продолжил:

– А беспокою я тебя потому, что нашел кровь на Олд-Шед-роуд, примерно в четверти мили от главного перекрестка. Дети иногда проходят здесь, когда выбирают кратчайший путь домой из школы. Знаешь это место?

– Знаю, – сказал Хенегар. – Требуется помощь медика?

– Возможно, здесь что-то случилось. Что-то нехорошее. И, док....

– М-м-м?

– Пусть это будет пока между нами. Не хочу, чтобы Карен или Боб сделали слишком поспешные выводы.

– Захвачу что надо и скоро буду, – пообещал Хенегар.

Макфэррон сунул сотовый в прорезной карман ветровки. Если Джули Хит серьезно пострадала, почему нет следов борьбы? Объяснения у него не нашлось.

Несколько минут спустя на фоне леса у поворота дороги блеснули фары старого «Форда Гранада». Док остановился сразу за «Бронко» шерифа, ровно в тот момент, когда заглох мотор. Громко скрипнула дверца, и птицы на ближайших де-

ревьях тут же всполошились и захлопали крыльями.

– Разве у Спарки нет приличной подержанной тачки в обмен на твою развалюху?

– Не вижу смысла избавляться от хорошей машины. – Из темноты появилась коренастая фигура доктора Хенегара. Видны были тяжелые, нависшие над глазами брови и борода. – Что мне не нравится в работе коронера, так это то, что приходится иметь дело с юными девушками.

Шериф хмыкнул и направил фонарик доктора вниз.

– Это вон там. И давай не будем предполагать худшее. Пока что девушка всего лишь значитесь пропавшей.

Хенегар поставил чемоданчик на бордюр, и Макфэрон осветил на брызги крови.

– Джоуи Темплтон сказал, что пикап припарковался возле столба и рядом с ним стоял какой-то мужчина. – Макфэрон осветил фонариком на след от шины. – Похоже, тот парень запихивал что-то в кузов. Мальчик также утверждает, что видел красные пятнышки на его одежде и лице.

– Значитесь пропавшей, да? – Хенегар покачал головой и наклонился к каплям крови. – А по-моему, дело ясное.

– Эй, ты же док, – напомнил Макфэрон. – А уж копом позволь быть мне.

Хенегар полез в свой медицинский чемоданчик.

– Посвети сюда своим фонариком, ладно, Джо? – Док достал пластиковый контейнер, в котором лежал набор для сбора крови. Взяв тампон, он перенес немного крови

на два обведенных кружком участка абсорбирующего материала для анализа ДНК и определения группы. У семейного доктора наверняка есть информация о группе крови Джули Хит. Если нет, то определить кровное родство можно по крови братьев, сестер и родителей. Хенегер, кряхтя, поднялся.

– Подожди, – сказал Макфэрон. – Звонить доктору Саймингтону пока нет необходимости. Скажи мне, на что это похоже? – Шериф посветил фонариком на капли.

– На кровь, конечно. А на что еще?

– Это понятно. Я имею в виду, это капли или брызги? Никаких следов на земле нет – ни отпечатков обуви, ни признаков борьбы. Только вот эта кровь. – Макфэрон подошел к доктору. – По правде говоря, я не понимаю, с чем мы здесь имеем дело.

– Может быть, она укусила нападавшего за запястье и кровь из артерии? – предположил Хенегар. – Темно-красный цвет обычно указывает на артериальную кровь.

– Ты действительно думаешь, что после укуса ребенка может вытечь так много крови?

Хенегар всплеснул руками.

– Ты спросил. Я ответил. Слушай, я взял хороший образец. Что-то более определенное узнаем после анализа в криминалистической лаборатории. Полагаю, ты уже сфотографировал?

– Да. Но пока все остается между нами, – предупредил Макфэрон. – До дальнейших распоряжений.

– Если подтвердится, что кровь человеческая, – Хенегар посмотрел на шерифа, – то, сам знаешь, мне нужно будет узнать группу крови девочки, иначе у меня отберут лицензию коронера.

– Никто не оспаривает твои служебные обязанности. Я только прошу тебя сначала посоветоваться со мной, прежде чем связываться с кем-либо.

Пока вопросов было больше, чем ответов, и шериф не хотел раньше времени повергать семью Хит в отчаяние.

– И просто чтобы ты имел в виду, – напомнил Хенегар шерифу, – если девочка по какой-то причине не появится, мне, вероятно, придется взять образцы крови у всей семьи для сравнения по ДНК с этим образцом.

Макфэрон повернулся к доктору.

– Когда у тебя будут результаты?

– Хочешь отвезти сам? Что ж, сэкономишь время. Анализ крови займет меньше суток. Анализ ДНК потребует больше времени, может быть, неделю.

– Я отвезу, – сказал Макфэрон.

Хенегар протянул ему образец в двойном пластиковом контейнере.

В кармане Макфэрона зазвонил сотовый. Мэри спросила, когда он поедет к Хитам. Он ответил, что прямо сейчас, и повернулся к доктору.

– Есть еще какие-нибудь мысли? – спросил Макфэрон.

Хенегар уже стоял с чемоданчиком в руке.

– Только те, которые тебе лучше не знать, если собираешься к Хитам прямо сейчас. – Он сел за руль своей развалюшки. Стартер захрипел, как ребенок с крупозной пневмонией.

Шериф подошел поближе.

– Спасибо, док, что приехал так быстро.

Тусклый свет приборной панели лег на бородатое лицо Хенегара.

– И передавай мои наилучшие пожелания Карен и Бобу. Я буду молиться о них. – Он кивнул и уехал.

Макфэрон смотрел ему вслед, пока огоньки задних фар не исчезли за поворотом.

– Господи, – вздохнул он и, размотав рулон полицейской ленты, несколько раз обернул ею два оранжевых дорожных конуса, обозначив место происшествия.

* * *

Хотя Джули отсутствовала всего четыре часа, с обнаружением крови Макфэрон получил необходимые основания для обращения в полицию штата с просьбой как можно скорее направить всех свободных от дежурства сотрудников, включая патрульных, для проведения поиска на участке лесистой местности от школы до дома семьи Хит. Через час все должны были собраться для инструктажа у полицейского поста.

По дороге к Хитам шериф обдумывал, что можно им сказать. Он повторял очевидное: чтобы найти Джули, делается все возможное, не исключено, что она заблудилась в лесу, решив срезать путь домой, что дети часто попадают в беду, совершая самые глупые поступки.

И все это было неправдой. В глубине души он понимал – с Джули случилось что-то плохое.

Признание того, что, несомненно, было фактом, укрепило его решимость. Он никогда не был бездельником, хотя некоторые и высказывали такие обвинения. Двенадцать лет назад Макфэрон бросил юридическую школу после первого курса и выставил свою кандидатуру на выборах шерифа округа своего родного города. Причиной такого решения стало то, с какой легкостью ответчики избегали наказания благодаря разного рода формальным уловкам и техническим ошибкам в ходе расследования. К тому же качество работы правоохранительных органов в его родном округе оставляло желать лучшего. Именно возмущение происходящим и желание приносить пользу вынесло его из аудитории, а вовсе не стремление уклониться от ответственности. Однако, как оказалось, большую часть времени и сил отнимало устранение с улиц постоянно пьяных водителей, разрешение споров между враждующими землевладельцами и вмешательство в мелкие бытовые ссоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.